

Г.С. Эрдели

ПРОШЛОЕ ВСЕГДА РЯДОМ...

Воспоминания. Дневники

Часть II

ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ

Воронеж-2011

Эрдели Г.С. ПРОШЛОЕ ОСТАЁТСЯ С НАМИ... Воспоминания. Дневники. Книга в 4-х частях. Часть II. Военная юность. – Воронеж: Электронная версия, 2011. – 53 с.

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Воспоминания если не великих, то все же крупных людей, чья жизнь или творчество известны многим, имеют большую ценность и для современников и для потомков. А если это воспоминания обычных, рядовых граждан? Зачем они?

Воспоминания Г.С. Эрдели отчасти затем, чтобы внуки имели представления о её жизни, но, главное, для современников, чтобы они имели представления о времени, которое сейчас или оплёвывают, или восхваляют.

Кроме того, автору приятно, вспоминая, как бы заново пережить и в чем-то, может, переосмыслить своё детство, юность, зрелые годы... Стефан Цвейг сказал, что редко, а точнее почти никогда, в своих воспоминаниях люди бывают обнажённо откровенными. А нужно ли это? И – возможно ли?.. Важно одно, – чтобы всё было правдой, без обмана.

Правда о жизни Г.С. Эрдели – это одна из бесконечных правд человеческих жизней, но это та самая капля, без которой не может быть безбрежного моря. И это та самая правда, из которой складывается всеобщая история человечества.

Компьютерное оформление – Силкина Т.Б.

© Эрдели Г.С.

О ВОЙНЕ

Память

Когда случается поздно вечером издалека возвращаться домой на машине, о приближении города сначала говорит дымчатая розовая полоса на горизонте.

Прошло очень много – десятки лет. Знаю, сейчас это отблеск от уличных фонарей, светящихся окон – жизни города, но тревожное чувство не зависит от разума, здесь работает память.

23 июня сорок второго года мы, школьники старших классов вместе с учителями уехали на прополку сахарной свеклы в совхоз «Красноармейский» Эртильского района. Разместили нас в полевом бараке. Поначалу всё было хорошо, мы учились ухаживать за посевами свёклы.

Но с 28 июня началась непрерывная бомбежка Воронежа. Несмотря на шквальный огонь зениток, десятки (до 70 и больше) самолетов прорывались к городу по несколько раз в день.

Об этом мы узнали позже. А тогда по вечерам все мы стояли на пригорке около барака и молча смотрели на зарево, растянувшееся полосой там, где были наши дома, наши родные. Ветер доносил глухие, едва слышимые звуки взрывов...

Нет, не люблю подъезжать тёмным вечером к городу. Всё хранится в нашей памяти, всё живет где-то внутри нас.

Старший сержант
Галина Ржаницына,
март, 1944 год

*Я не могу забыть о войне.
И не могу не думать о Мире.
Как метроном, в висок стучит,
Ходит бессонница по квартире*

*С каждым днём всё дальше война,
С каждым часом может быть ближе
Ночью обманчива тишина...
Гирька «ходиков» ниже.
ниже...*

ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ

«Война! Вы слышите – Война!!!»

В 2011 году будет семьдесят лет, как началась Великая Отечественная война. Семьдесят лет – семь десятилетий! А помнится, словно это было совсем недавно, почти вчера...

Выглаженный пионерский галстук висел на спинке стула, а я с утюгом трудилась над юбкой. Складок было много и мне, не знавшей по дому других забот, глажение формы казалось нелегким делом. Я готовилась к выступлению нашего хора в кинотеатре «Пионер». До войны у нас в Воронеже был детский кинотеатр, при нём хор и оркестр. Руководил молодой талантливый композитор Сергей Ибраев. Оркестранты такие же молодые ребята, как и хор, солисты. Мы выступали перед двумя вечерними сеансами в выходные и праздничные дни. Об этом я писала в начале воспоминаний, в «Детстве».

Складки были наполовину выглажены, когда невольно стала прислушиваться к голосу из репродуктора – чёрного картонного конуса, висевшего почти над головой. Интонация показалась необычной, но ещё не успела уловить смысл, как во дворе послышалось тревожное: «Война! Вы слышите? Война...». В кухне заплакала бабушка.

Тревога старших передалась и мне, но не было страха. Это был тот возраст, когда самым страшным представляется монотонное течение событий.

Только бабушка-то, как и все взрослые, хорошо знала, что такое война. Не знала только какое горе принесет война ей, но, может, чувствовала...

Война. Время, насыщенное горестными событиями, страстями, переоценкой ценностей. Всё познается в сравнении, и настоящие ценности особенно заметны во время суровых испытаний.

Наступило время, разделившее жизнь на «до» и «после» войны.

Когда началась война, весь народ всколыхнулся, никто не остался равнодушным. Конечно, не все рвались на фронт, но они были незаметны в общем стремлении скорее разбить врага, что-то сделать для победы.

В первые же дни войны прозвучала песня-гимн «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!». Вскоре вышло стихотворение, очень быстро ставшее песней «Походная комсомольская»:

*Протрубили трубачи тревогу,
всем по форме к бою снаряжён,
собирался в дальнюю дорогу
комсомольский сводный батальон.
До свиданья, мама, не горюй,
на прощанье сына поцелуй....*

Серёжа написал к песне мелодию, и мы уже начали репетировать, но она по радио стала звучать на музыку Блантера. Мне больше нравилась Серёжина, но он не стал конкурировать. Мы пели на музыку Блантера.

Кто из молодежи не мечтал о фронте? Мне мечтать не приходилось – окончила только шесть классов, как и многие другие из нашего хора. Но нам, подросткам, тоже хотелось действия, и мы упросили Сергея поехать в колхоз, помочь уборке урожая. (Сергея весной должны были призвать в армию – 19 лет. Но среди суматохи призывников пока оставили в покое, в том числе и Серёжу).

Работаем в колхозе

Где и как Сергей хлопотал, не знаю, только уже в самом начале июля мы уехали в село Никитовку Алексеевского района теперь Белгородской области. Село было километров, кажется в 30 от железной дороги. Нас встретили радушно, разместили по хатам, выделили для питания меда, масла, муки и других продуктов. Хозяйки готовили нам пампушечки и вообще кормили хорошо. Когда спросили в правлении, на сколько дней выделяются продукты, там ответили: «Пока поисте».

Никитовка – юг Черноземья, граница с Украиной, потому и говор смешанный – русский с украинским. Этих людей в просторечии называют «хохлы», а русских – «кацапы».

Мужчин в селе осталось мало, многие ушли на фронт. Встретившие нас женщины поахали, что мы молоды, говорили, что у них такие ещё не работают. (От этих слов мы загордились).

Работу нам дали. Конечно, косить не могли, а вот сено ворошить, сгребать, было вполне под силу. Правда, иногда немного отвлекались – под скошенной травой местами краснела такая вкусная полевая клубника – устоять невозможно!

В те годы хлеб убрали косилкой, женщины вязали снопы, складывали их в «крестцы». Попробовали и мы вязать снопы – узнали, как это тяжело. Да нам и не дали это делать. А вот готовые снопы складывать в крестцы, – здесь мы вполне справлялись. И ещё – на других полях, где хлеб убрали раньше, а прошёл дождь, мы крестцы разбирали и снопы ставили для просушки.

В первый день пошли на поле без чулок и ноги сильно поцарапали о стерню – так называется остаток соломин после скашивания хлеба. Стало понятно, почему летом женщины бывают на полевых работах в толстых шерстяных чулках.

Самая интересная работа – на молотилке. Цепочка людей слаженно и быстро передают снопы к жерлу молотилки. Там стоит главный и опускает полученный сноп в жерло колосьями вниз. Быстрые движения руками вправо – взять сноп, опустить в молотилку, снова взять. Несколько снопов опустила и я – было очень интересно попробовать. Но вообще там стоял мужчина - если зазеваешься, можно остаться без руки.

В цепочке мы передавали снопы друг другу: быстрый чёткий ритм. Вот где радость коллективного труда! Такое описано у Горького при работе грузчиков – погрузке мешков на баржу. Ощущение незабываемо и радостно.

Начало перемен

В колхозе, расположенном в стороне от железной дороги, мы не замечали перемен. Для нас они начались в августе, когда, возвращаясь домой, приехали на станцию и Сергей хлопотал о нашем отъезде. Это было непросто.

Поезда были переполнены. На фронт ехали бойцы, зачехлённые танки, пушки. К востоку, в товарных вагонах ехали эвакуированные. На станциях мы обгоняли поезда, наполненные людьми.

Вокзал в Воронеже тоже был заполнен эвакуированными. Разных людей по образованию, возрасту, объединяло общее горе. Каждый человек – горестная история, особенно запомнилась одна. Неожиданно враги оказались около села. Жители в панике бросились бежать в лес, захватив под руку что попало. Молоденькая женщина закутала в ватное одеяло своего первенца и побежала вместе со всеми, прижимая ребенка к груди. Через некоторое время она заметила, что прижимает к груди пустое одеяло: ребенок где-то в лесу выпал.

Что такое война мы начали понимать в эти дни.

За прошедшие полтора месяца изменился город. Затемнённые окна, стекла будто перебинтованы... Толпы у репродукторов на улице во время сводок информбюро, очереди за продуктами. Произошли изменения и в семьях: отцы ушли на фронт, и от нас потребовалось больше помощи по дому.

В здании нашей школы разместили лётное училище, а нас разделили по другим школам

Мы остаёмся

Когда мы вернулись из колхоза, папа уже был в армии, правда, в прифронтовой части: командир роты 77 ОДЭП (Отдельного дорожно-эксплуатационного полка), формировавшегося в Воронеже.

Вскоре призвали и Сергея, наш хор распался. Сережа подарил нам с Ириной на память свои фотографии-визитки. Ире с надписью: «На память Ирине от Серкэна», а мне – «На память Галочке от Серкэна», что тогда мне очень понравилось.

Перед отправкой Сергея в армию, приезжала его сестра из Фрунзе, родные жили там. Она уговаривала маму и бабушку уехать к ним. Фронт быстро продвигался на восток, и в начале осени началась плановая эвакуация заводов и жителей, в основном, в Куйбышев. Но мы уезжать никуда не захотели. Летом сорок первого года в Воронеже еще не ощущалось непосредственной опасности. Хотя однажды немцы сбросили несколько бомб в районе ВОГРЭСа, это не казалось страшным.

Новая квартира

Осенью маме сообщили, что полк, где служил папа, вернулся в Хлевное (60 км от Воронежа). Мама со мной и братом, поехала туда и оказалось, действительно, полк попал в «мешок» и командир получил приказ собираться всем в Хлевном.

В обязанность дорожно-эксплуатационного полка (его скоро разделили на два отдельных батальона) входило обеспечение бесперебойного движения машин от железнодорожной станции до передовой линии фронта.

Когда мы приехали в Хлевное, папы еще не было: командир роты регулирования, на машине собирал регулировщиков, стоявших на постах в разных местах.

Как я уже сказала, в эти дни проходила плановая эвакуация заводов, жителей, а в сельских местностях угоняли дальше от фронта скот, вывозили хлеб. Здесь наши командиры приобрели в хозяйствах села за недорогую цену по овце и несколько молодых кур. Овцу живой я не видела, домой привезли уже мясо, а трёх кур удалось отстоять. Правда, позже оказалось, курицей стала лишь одна, две превратились в красивых петухов.

Несколько дней, теперь уже не полк, а батальон, находился в Воронеже. За это время папе удалось выхлопотать (мы задолго до войны стояли на очереди) квартиру и перевезти нас на новое место. В трехкомнатную квартиру, с высокими потолками, на первом этаже двухэтажного кирпичного дома, на углу Студенческой и улицы Карла Маркса.

Квартира с печным отоплением. Печка, дающая тепло и возможность готовить пищу, в главной, большой комнате, её отгородили ширмой. В коридор выходила дверь одинокой немолодой женщины Варвары (отчества не помню). Была в квартире и общая с Варварой кухня, которой пользовались только летом, в целях экономии. Но фактически, кухня служила чем-то вроде сарая, — помню, там содержался только хлам. В эту комнату мы и поместили наших пернатых, к скрытному, и праведному неудовольствию Варвары: они же пачкали не только наши вещи.

Через некоторое время одного петуха — яркого, цветного, мы поменяли с другой соседкой на большой цветок олеандра. Петух стал баловнем этой соседки и совсем не предназначался для супа, хотя жила она небогато, а зимой с продуктами в городе стало довольно трудно. Мне иногда приходилось пропускать в школе занятия, чтобы купить картошки.

На пустынном рынке картошку быстро разбирали. Мёрзлую картошку приходилось сначала выдерживать в холодной воде. И потом, сладковатую, мы с удовольствием ели.

Но на бытовые трудности как-то мало тогда обращали внимания, они нас не задевали. Беспокоила тревога за судьбы тех, кто воевал. Вести приходили неутешительные. В очередях за продуктами тоже рассказывали новости, из серии ОБС (одна баба сказала). Откуда они узнавали? Рассказывали о том, как ведут себя немцы в наших сёлах: сидя за столом в хате могут испортить громко воздух и смеяться при этом. Такое их поведение особенно шокировало. «А, называется, культурная нация!» — восклицали женщины в очередях. О зверствах фашистов стали узнавать позже.

Несмотря на то, что фронт быстро продвигался на восток, никаких разговоров о том, что немцы смогут нас победить, я не слышала. А в очередях говорили всякое. Например, за несколько лет до войны, вспоминали Ленина: «Если бы он был жив, мы жили бы намного лучше!». Говорят, в те, предвоенные го-

ды, было страшно жить. Но мы этого не ощущали. Да в очередях и говорилось многое, за что могли привлечь, но не боялись.

Песня о Днепре

Летом сорок первого года в Воронеже еще не ощущалось непосредственной опасности. Хотя однажды сбросили немцы несколько бомб в районе ВО-ГРЭСа, это не казалось страшным. Жизнь шла своим чередом. Работали театры, кино, кажется, и цирк. Тогда постоянного здания цирка не было, работал цирк-шапито, на небольшой площади около сквера с памятником жертвам белого террора.

Здесь в первую же военную осень впервые прозвучала знаменитая «Песня о Днепре». Исполнял её ансамбль красноармейской песни и пляски юго-западного фронта под управлением Вирского. (После войны он руководил ансамблем в Киеве – заслуженный артист УССР). В Воронеже располагался штаб юго-западного фронта и ансамбль здесь часто выступал осенью и в первую военную зиму и весну. Выступления проходили с неизменным успехом, мы тоже несколько раз на них побывали. Здесь впервые стали известны тогда молодые Тарапунька (Юрий Тимошенко) и Штепсель (Ефим Березин).

Низенький Штепсель обычно изображал повара – в поварской куртке, колпаке, с поварёшкой в руке, а высоченный Тарапунька – боеца в маловатой гимнастерке – с коротковатыми рукавами. Все любили их репризы, остроумные шутки.

Запомнился один их розыгрыш – диалог двух немецких солдат. На арене очень крупными буквами на отдельных дощечках: «ПОБЕДА». Диалог, примерно, такой – Тарапунька спрашивает Штепселя: «Что нас ждет на фронте по словам фюрера?» – Штепсель показывает на дощечки – «Победа». «А чего ждут наши солдаты с нетерпением?» – Первая дощечка падает, остается – «Обеда». Диалог продолжается: «А как думаете вы, что ждет нас на фронте?» – Падает еще одна дощечка – «Беда». «А что волнует солдат больше всего?» – «Еда». «Так думают все солдаты?» – «Да». «Ну, подождите, вот начнётся весеннее наступление...» И тут Штепсель, оставляет последнюю дощечку, и с возгласом «А – а – а – а...», махнув рукой, убегает.

А Песня о Днепре была замечательная. Очень жаль, что слова её, такие злободневные в то время, сейчас, конечно, не современны.

*У прибрежных лоз, у высоких круч,
Где любили мы и росли...
Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.
Ты увидел бой, Днепр отец – река
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века
Коль сражался он, как герой.
Враг напал на нас, мы с Днепра ушли,
Смертный бой гремел, как гроза.*

*Ой, Днипро, Днипро, ты течёшь вдали
И волна твоя, как слеза.
Из твоих стремнин ворог воду пьёт,
Захлебнётся он той водой!
Будет славный час – мы пойдём вперёд
И увидимся вновь с тобой!
Кровь фашистских псов пусть рекой течёт,
Враг советский край не возьмёт!
Как весенний Днепр, всех врагов сметёт
Наша Армия, наш народ!*

Очень трогали слова: «Из твоих стремнин ворог воду пьёт». И еще – «Ой, Днипро, Днипро, ты течёшь вдали, и волна твоя, как слеза». Как мощно, угрожающе–радостно звучала концовка «Как весе – е – енный Днепр, всех врагов сметё – ё – ёт, наша армия, наш народ!!!». В то время всё это отражало желания и надежды всех нас, потому было особенно дорого.

Забегая вперёд, скажу – когда наши войска освободили Киев, эта песня звучала там особенно торжественно. Конечно, некоторые слова изменили – они стали уже не в будущем, а в настоящем времени! («Славный час настал, мы пошли вперёд, и увиделись вновь с тобой». И другие слова).

«Это изверги»

Первое потрясение от войны воронежцы испытали 13 июня сорок второго года.

В это воскресенье был детский праздник. В пионерском саду, рядом с кинотеатром «Пионер», собралось очень много детей. Продавали мороженое и, почему-то всем запомнилось – пирожки. Нарядные дети веселились и не ждали беды. А в это время низко пролетел немецкий самолет и на играющую детвору сбросил бомбы.

Погибло тогда более трёхсот детей. Сказали позже, что под Воронежем самолет сбили, летчика взяли в плен. К ужасу всех жителей это оказалась женщина. Я и сейчас не могу спокойно думать – как могла женщина убивать невинных малышей?

Тогда это вызвало взрыв ненависти к врагам, только никак не страх, как, наверное, ожидали фашисты.

Сейчас детского парка, как и кинотеатра, нет – были разрушены. Но сохранился свидетель – большой старый дуб, напротив гостиницы «Россия», на улице Театральной. Около памятная доска и летом почти всегда живые цветы.

Второй год войны

В сорок первом поездка школьников в колхоз была явлением необычным, на второе лето войны – массовым. Ученики старших классов (начиная с восьмого) нашей десятой школы, 23 июня уехали полоть свеклу в совхоз «Красноармейский» Эртильского района. Поселили нас в полевом бараке. Только мало пришлось поработать: с 28 июня началась бомбёжка Воронежа.

Когда проезжаю мимо автовокзала на Московском проспекте, часто вспоминаю случай, который здесь произошёл с мамой. До войны, и какое-то время после войны, здесь находился вещевой рынок, его называли «толпа»: неогороженный пустырь на окраине города. Рядом – кладбище, бывший тогда аэропорт. Здание цело и сейчас, на остановке Хальзунова. Мама, бухгалтер, бывала на толпе часто: она подрабатывала, вязала белые шерстяные платки. Здесь покупала пряжу, здесь и платки продавала Большой платок с ажурной каймой и кистями по краям, был модным и после войны.

В тот день (самый конец июня сорок второго года) маму на толпе застала бомбёжка. Все быстро разбежались. Спрятаться негде. В стороне покинутый фанерный фургончик, и мама в него забралась. А через некоторое время подумала – если сюда попадёт осколок, он легко пробьёт фанеру и может её убить. Маму будут искать, беспокоиться, но здесь никогда не найдут.

Выбралась она из своего ненадёжного убежища, и отправилась под бомбёжкой почти через весь город домой. Шла по осколкам от разбитых стёкол, ничего не замечая вокруг, без страха за себя и с одной мыслью – как там Олег и бабушка?

Высокий дом-«гармошка» загоразивал наш двухэтажный, стоявший напротив, на углу улиц Студенческой и Карла Маркса. Только у самого дома можно было вздохнуть – увидеть, что наш дом цел. Надо ли говорить о радости встречи – за маму они беспокоились не меньше, чем она за них...

На месте нынешнего вокзала я вижу обезлюдевший пустырь, тот фанерный фургончик, и худенькую мою маму, сначала согнувшуюся в нём в углу, потом идущую среди взрывов, с замиранием сердца думающую только о том, как они там, дома?

БОИ ЗА ВОРОНЕЖ

Дальше мне кажется уместным привести воспоминания маршала Ф. Голикова, который руководил военными операциями под Воронежем в эти дни. (В боях за Воронеж // Воронежское сражение ЦЧИ. – Воронеж, 1968. – С. 5-26.)

«В стратегическом плане фашистских генералов захват Воронежа являлся одной из решающих предпосылок успешного похода гитлеровских полчищ на Кавказ и Сталинград. Они намеревались продвинуться от Баку через Персию к основным источникам нефти в Месопотамии, заставить Англию и США выйти из войны, а главными силами захватить Москву с востока и принудить нас к капитуляции» [там же, С. 5].

«Удар на Воронеж (на основании директивы Гитлера от 5 апреля 1942 года, номер 41) – операция «В1аи», как она была названа, достигал 250 километров по двум сходящимся направлениям: от Волчанска на Острогожск и от Курска через Касторное и Горшечное на Воронеж. Основным ударом по составу сил было второе направление – северное. Глубина удара равнялась 155 километрам: примерно от реки Щигры через Воронеж до линии железной дороги Отрожка – Лиски включительно» [там же, С. 6].

«Три месяца тщательно готовились немцы к наступлению на Воронеж. Эта операция началась 28 июня со стороны Курска, 30 июня – со стороны Волчанска. Она принадлежит к числу самых подготовленных наступательных операций немецких фашистов на советской земле. Всем её ходом руководил главнокомандующий армиями «Юг» фельдмаршал фон Бок...» [там же, С. 12].

Наверное, наше руководство слишком понадеялось на то, что до Воронежа немцев не допустят: прорыв фронта был неожиданным. Сужу об этом потому, что в этот раз не проводилась эвакуация жителей, как год назад. Даже в начале июля, несмотря на интенсивную бомбежку Воронежа, жители не подозревали, что фашисты могут войти в город, и уходили лишь от бомбёжки. Только пятого и шестого июля убегали уже от врагов, теперь не только под бомбами, но и обстрелом из самолётов. Гитлеровцы обстреливали с самолётов дороги, по которым двигались беженцы.

До этого, начиная с 28 июня, город, говоря сухим армейским языком, круглосуточно подвергался массированным ударам авиации. По 70-80 самолетов прорывались к городу через заслон из зенитных батарей и специальной лётной части.

А четвертого и пятого июля, как пишет Голиков, совершалось от полутора до двух тысяч самолётовылетов.

Один летчик из той части, что прикрывала город, вспоминал: «Немцы производили непрерывные налеты, бомбили заводские районы и вокзал. Пятого и шестого июля Воронеж был охвачен гигантским пожаром. Неприятель сбросил на город тысячи зажигательных бомб, и пожары тушить было невозможно» (Романовский Н. По фронтовым дорогам. – Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1958. – С. 103).

Центр города наши оставили без больших сражений, они начались на окраинах Воронежа. В своем военном дневнике «По фронтовым дорогам» (Романовский Н. – 206 с.) корреспондент фронтовой газеты «Слово бойца» воронежский писатель Н. Романовский приводит рассказ старшего лейтенанта, участника боёв за Воронеж.

«К шестнадцатому июля положение было таким: немцы укрепились почти по всему правому берегу, в наших руках остался лишь небольшой участок в районе Троицкой слободы и подступы к Чижовке.... Ожесточённые бои шли за Берёзовую рощу. Её прозвали «Рощей смерти»... В результате многодневных боев нашим войскам удалось очистить от врага часть города.

...Город представляет собой развалины, среди которых проходят наши и немецкие укрепления...» (Романовский Н. – С. 141).

Дальше Н. Романовский пишет: «Другие участники сражения за Воронеж ... также говорили о великой ожесточённости боёв... наши и немцы дрались отчаянно, были боевые эпизоды, не уступающие по своей силе тому, что разыгрывалось в Сталинграде».

(Надо сказать, что на Чижовском плацдарме воевал бывший ректор ВГУ профессор Б. И. Михантьев)

Следы больших сражений я видела в ботаническом саду университета в сорок девятом году. Осколки снарядов отсекали ветви почти всех яблонь в старом саду. Большие дубы около пруда так посекали осколками, что они три года не раскрывали почек – не хватало сил. Недолго прожили эти могучие деревья, посохли в пятидесятые годы. А при расчистке густого терновника на дне оврага в том же, сорок девятом, мы находили серые от времени кости рук, ног, человеческие черепа.

Несмотря на то, что центр города немцы захватили, план Гитлера не состоялся: Отрожку, Лиски взять им не удалось. Не состоялся поход гитлеровцев на Кавказ и Сталинград через Воронеж. Не случайно главнокомандующий армией «Юг» фельдмаршал фон Бок был отозван раздосадованным Гитлером.

Наблюдая за тем, как горит наш город, некоторые школьники не выдержали, – сбежали домой. Мне помогло чувство дисциплины, осталась. И это было хорошо: когда мама с братом пришли ко мне, мы не разминулись. Они вышли из Воронежа 2 июля, рассчитывая всем вместе вернуться, но когда мы встретились, правый берег города немцы уже захватили. И бедная бабушка восьмидесяти лет оставалась там. Вместе с другими жителями Воронежа, её выгнали из города. Где окончилась жизнь бабушки, неизвестно.

Пока мы размышляли что делать, мимо нашего барака на паре волов, с женой, дочерью и сестрой проезжал управляющий трестом «Облпроект», где мама работала бухгалтером. Здесь же в бараке была и Зоя Сребрянская, к которой тоже пришла мать, также работавшая в этом тресте.

Мне кажется, обрадовались встрече все: у Александра Федоровича Елизарова были печать и документы треста. Поэтому мы могли официально перемещаться как трест «Облпроект». С ними мы и отправились дальше.

Эвакуируемся глубже в тыл

Наша процессия состояла из пары волов с телегой, на которой сидела дочка Елизарова – Эмма, лет 6-8. Иногда там сидела и его красивая жена или сестра Клавдия – уже немолодая, но и не старая женщина, молчаливая, худая, с продолговатым тёмным лицом.

Рядом с волами шел сам Александр Фёдорович. Сзади и по бокам шествовали остальные. Перемещались по ночам. Днём идти было небезопасно: на самолетах фашисты гонялись даже за отдельными людьми.

Здесь мне хочется сделать ещё одно небольшое отступление, рассказать про случай, о котором узнала сорок лет спустя. В восемьдесят втором году я возвращалась из Дербента, где гостила у родственницы. В Россоши к нам в купе подседа женщина. Разговорились, стали вспоминать войну.

В сорок втором ей было три года, сестрёнке – пять лет. Отец на фронте. В последние дни июня их мама – бухгалтер, поехала с главным бухгалтером с отчетом в Воронеж. Немцы прорвали фронт и стали занимать правобережье города. Жители под бомбёжкой уходили из города через Чернавский мост, перехо-

дили вброд реку, бежали по широкой пойме. Бежали по заливному лугу и мама этой женщины со своим начальником.

Когда увидели низко летящий немецкий самолёт, спутник матери толкнул её на землю, лег сверху. Самолёт пролетел, она почувствовала кровь на своем лице. Но это была не её кровь. Пожилой человек знал, что дома ждут одни двое маленьких детей, и прикрыл собой. Это его «прошил» пулемётной очередью фашистский лётчик.

Нас ночные переходы радовали: наверное, на нервной почве, днём у мамы начались сильные приступы малярии (ни до, ни после никогда это не проявлялось). Она лежала в тени, обливаясь потом, красная и горячая, её трясло. К ночи приступ исчезал, и она шла за волами вместе со всеми, не показывая, как ей трудно. Откуда она брала силы?..

Другие её трудности заключались в отсутствии папирос. Заядлая курильщица страдала без курева, и мы с братом собирали по дороге цветы жёлтого донника, заменявшего табак.

Проселочные дороги проходили через посеы ржи. Высокая рожь, нам по плечи и выше, начинала поспевать. Мы срывали колоски и с удовольствием ели молочные зерна. Это было и вкусно, и подпитывало нас. Хотя за время эвакуации не помню ощущения голода. Наверное, потому, что по дороге довольно часто встречались эвакупункты со столовыми, где давали мучную похлёбку с разварившимися клёцками. Густая жидкость казалась мне вкусной и сытной.

Так дошли до Борисоглебска. На лугу перед городом расположились не только мы. Весь луг заполнили люди, как на пикнике, – лежали, сидели. Почему-то запомнилось, многие искали друг у друга в головах. Пока Александр Фёдорович ходил в город, где распределяли беженцев по разным селам, мама, в целях профилактики, тоже занималась моей, а потом я – её головой.

В тот же день отправились на отведённое нам место – село Липяги, около станции Народная. Нас поместили в школе колхоза, кажется, «Красное знамя». Станцию Народная не бомбили, а вот Поворино доставалось – мы слышали глухие взрывы бомб.

Встал вопрос о том, что волы могут работать в колхозе с оплатой продуктами. Но в колхозе не нашлось желающих работать на волах, все отказывались.

Погонщица волов

Ах, как я обрадовалась! «Я буду работать на волах!».

Возражений не последовало, и я получила под свое начало двух парнокопытных, медлительных и спокойных, ярмо и телегу – ходок, у которого передняя часть с двумя колесами отделялась от основной.

Правый вол – пегий, с короткими рогами и поменьше, левый – бежевый, без пятен, у него рога – огромные. Мама очень волновалась за меня и, как оказалось, не зря. Правда, всё обошлось благополучно. Я стояла около левого вола, когда он мотнул головой, отгоняя насекомых, и зацепил мне платье. Легкий материал разорвался на спине во всю ширину платья, а если бы я стояла чуть ближе, не знаю, уцелели бы ребра?

Трудно было мне с волами только в первый день. Волы ещё не слушали, ярмо тяжёлое. Запрягла в конце концов, а они пошли в сторону, ходок повернулся на бок, передняя часть отделилась, задняя осталась лежать на боку. Ну, с трудом выправила положение, поехали...

Иногда мы перевозили грузы, но чаще – скирдовали хлеб. Женщины укладывали снопы на повозку, мы подвозили их к скирду и отправлялись за новыми снопами. После работы женщины садились на телегу, и мы ехали домой (несколько километров). Управлять волами было легко – тонкая палочка слегка касалась одного из них, он шел скорее, и мы поворачивали налево или направо. При этом говорилось «цоб» или «цобе». Волы быстро привыкли ко мне, под конец не нужна была и палочка, хорошо слушались голоса.

Но однажды волы «задали мне жару». Днём женщины часа два отдыхали, обедали, ложились у скирда и спали. В тот раз и меня сморил сон, – жарко, солнце печёт. Волы без телеги, но с ярмом, лёжа, жевали жвачку. Проснулась – волов нет. Побегала я по окрестности, несколько часов искала. А они ушли недалеко, в остатки нескошенной пшеницы, и улеглись. Их окраска настолько слилась с фоном, что только когда буквально натолкнулась на них, тогда увидела.

Женщины, надо сказать, хоть и сочувствовали мне, но – пассивно и видимо, радовались возможности отдохнуть. Пока я нашла волов, рабочий день закончился, мы поехали домой.

Мама и волновалась за меня, но и радовалась и гордилась: колхоз нам щедро выписывал мясо, яйца, хлеб. Так получилось, что в свои 15 лет я одно время кормила не только маму с братом.

Дома всегда передавала «бразды правления» над волами Александру Фёдоровичу. А у него была ещё одна забота. Перед Борисоглебском нам встретила бегавшая по дороге «ничейная» лошадь. С уздечкой и коротким поводком – кажется, его зовут недоуздок. В то время недалеко от фронта бесхозная лошадь была не редкость.

Александр Фёдорович очень обрадовался, схватил её за поводок. Лошадь не сопротивлялась. Ладный коричневый конёк с чёрными гривой и хвостом, путешествовал с нами дальше. Но там, где мы остановились, в Липягах, Александр Фёдорович однажды повёл коня поить к реке, и упустил поводок, на одно мгновение. Только умное животное, тоже мгновенно среагировало – пустилось лёгкой рысью по дороге обратно. Напрасно Александр Фёдорович бежал за ней, уговаривал. Сначала лошадь трусила потихоньку, вскоре вполне целенаправленно пустилась вскачь. Лошади хорошо помнят свой дом. Вот только где он был тогда, – по какую линию фронта?..

Мы едем на фронт

Осенью к нам заехал папа. Он был на курсах в г. Павлово–Посад Московской области, получил от нас письмо перед отъездом в часть и хотел отправить дальше в тыл. Но уговоры ни к чему не привели: мы твёрдо решили ехать с ним на фронт. Особенно радовались мы с Олегом, – кто из молодежи не мечтал о фронте, а тут оказалась такая возможность!

Приехали мы к папе в часть, а нас, естественно, не зачисляют: мне еще 15, маме – 39 (для женщин возраст непризывной), брату вовсе 9 лет. Но в части к нам отнеслись доброжелательно. Не помню, как мы кормились, только голодной себя не помню, как и во время эвакуации.

Учусь чистить картошку

Какое-то время я помогала на кухне чистить картошку.

Нудное это было дело – картошка мелкая, грязная. Однажды привезли подмороженную, и, перечистив мешка два, «потеряла» голос, несколько недель говорила почти шёпотом.

Здесь, на кухне, я получила первый урок ответственности за порученное дело. Как-то раз, когда груда очисток передо мною росла быстрее, чем картошка в ведре, услышала сердитый голос: «Ведь вот как чистят! Сколько картошки выбрасывают! А потом боец гоняйся с ложкой по котелку, картошку ищи!» Это солдат зашел на кухню погреться и увидел мою «деятельность». А я, балованная городская дочка, просто не подумала о том, что норма отпускается по той картошке, что привезли в мешке.

Надо признаться, с тех пор и сейчас, когда чищу картошку, стараюсь шкурку срезать как можно тоньше. А тогда стало стыдно до слез.

На освобождённой земле

Сначала наша часть стояла в сёлах Курской области, потом на станции Красная Заря. Здесь враги не бывали.

Наконец, в середине снежной, очень морозной второй военной зимы, мы впервые пришли на освобождённую землю – станцию Русский брод. Тогда все приняли победу как долгожданное должное, как начало Победы большой.

Помню россыпь патронов на улице под ногами от немецких винтовок. На берегу реки наполовину занесённый снегом труп немца в синеватой шинели и пилотке.

Там впервые увидела и пленных немцев, как их показывают в кино: согнувшихся, посиневших от холода, в шинелях, платках поверх пилоток, соломенных валенках поверх сапог.

Запомнились и глаза, в которых, кажется, было не столько испуга, сколько недоумения. Забегая на много лет вперед, хочу привести вопрос одного из немецких коммунистов. В 1987 году он спросил: «Скажите, как, всё-таки получилось, что вы, меньше, чем за 20 лет, из отсталой России, после разрухи гражданской войны, сумели достичь такого уровня, что победили фашизм?».

Думаю, у тех немцев недоумения было значительно больше.

О том, что гитлеровцы готовились к блицкригу, сужу и по увиденной тогда маленькой детали. Немецкие офицеры жили в землянках, а освещались специально изготовленными из пресс-папье коптилками. Они еще стояли на столиках в землянках, когда мы вошли в село. – Об освещении позаботились, а о тёплой одежде – нет, считали, что не понадобится.

Командование всех предупредило, чтобы в землянках немецких ничего не трогали. Бывали случаи, когда к красивому карандашику или другой мелочи, фашисты прикрепляли мину на тонком проводке. Несколько детей подорвалось на таких минах.

Русский Брод пострадал мало, а сёла рядом фашисты практически полностью разрушили. Например, в селе Трудки до войны было почти тысяча дворов, осталось целыми – десять. Жили до войны в Трудках почти 3700 жителей, после освобождения осталось около шестисот человек. Фашисты уничтожили почти 130 человек, многих угнали в Германию работать на заводах и фермах.

О трагедии села Трудки написал корреспондент нашей армейской газеты «Слово бойца» Н.В. Романовский, воронежский писатель. Не только в Трудках, во всех сёлах, которые занимали гитлеровцы, они отбирали молодых и здоровых, угоняли на работы в Германию.

Русский Брод мне памятен ещё и потому, что здесь в военкомате нас с мамой приняли по нашим заявлениям в армию и мы, став законными красноармейцами, получили красноармейские книжки.

Правда, мы с мамой в военкомат не ходили, это сделали за нас. Мне в то время только что исполнилось 16 лет, а по моему заявлению выходило, что на год больше (родилась 22 декабря 1926 года). Понятно, что указала в заявлении только год. Документов не было никаких, всё оставалось в Воронеже, но по моему виду обман сразу бы раскрылся. Даже спустя полгода, когда стояла на посту, многие спрашивали, сколько мне лет и как попала в армию.

Мама стала писарем в штабе батальона. Меня сначала передали в роту дорожников, брат стал воспитанником части, папа, как и был, – помощник начальника штаба батальона

СЛУЖБА В АРМИИ

Наш батальон

Несли мы службу в 77 ОДЭБ (Отдельном Дорожно-эксплуатационном батальоне) 48 армии.

О Великой Отечественной войне написано очень много, описано много подвигов, героических сражений. Но ведь были не только бои, была и подготовка к ним, их материальное обеспечение.

Теперь, когда прошло столько лет, и многое видится глубже, особенно понимаешь, как обдуманно было организовано снабжение передовой линии фронта, взаимодействие фронта и ближайшего тыла, как велика была дисциплина, как велико было желание людей всё сделать для Победы.

По железной дороге грузы подвозили к ближайшей от мест боев железнодорожной станции (обычно в 15-20 километрах). Здесь начиналась прифронтовая полоса.

Отсюда боеприпасы, продовольствие подвозили к передовой линии фронта, в основном, на автомашинах специальных военных автомобильных частей. Но были машины и в каждой воинской части.

Обеспечивать продвижение машин обязаны специальные дорожно-эксплуатационные части, как и наш батальон. В задачу входило следить за таким состоянием дорог, чтобы машины могли ехать со скоростью не меньше 40 километров в час.

Для ремонта дорог в батальоне существовали специальные роты – дорожников. В состав батальона входили и роты регулировщиков. Задача постов регулирования – показывать наиболее короткую и безопасную дорогу к передовой. На контрольно-пропускных постах проводилась и проверка документов. (О работе КПП подробно расскажу позднее). Примечательно, что о движении колонн автомашин и грузов сведения из штаба батальона в штаб армии передавались ежедневно, по крайней мере, я знаю, с сорок третьего года.

В предисловии к книге воспоминаний заместителя командующего фронтом Н.А. Антипенко (Антипенко Н.А. На главном направлении. – М. Наука, 1967 г. – 347 с.), маршал Жуков Г.К. пишет: «К сожалению, в изданной до сих пор военно-мемориальной литературе очень мало отражена работа тыла Красной армии и почти ничего не сказано о его организаторах и рядовых работниках. Театры военных действий охватывали территории в тысячи километров, включая районы трудно проходимые, особенно осенью и зимой. Военные дорожники в тесном содружестве с инженерными войсками, местным населением, успешно справлялись со своими задачами».

Они действительно, многое делали для фронта. И не могу не сказать добрые слова о прифронтовых солдатах и отдать не только маленькую дань уважения их большому повседневному труду в годы войны, но и дань благодарности. Доброте окружавших я обязана тем, что это страшное время вспоминаю и светло, а, главное, – вере в людей. Эта вера помогает и сейчас.

Рассказывая о службе в армии, к сожалению, не могу ничего рассказать о своих подвигах: их не было. В моей службе не случилось ничего героического. Но я была маленьким винтиком в большой, сложной машине и очень рада, что в общей нашей Победе, есть и моя, пусть крохотная, доля.

Командир батальона

Командир батальона (в то время майор) Иосиф Яковлевич Семёнов всегда подтянут, собран – образец строевого офицера. И неудивительно: ещё до революции нёс солдатскую службу в знаменитом Семёновском полку.

Он и в трудной обстановке не терял головы. О нём много можно рассказывать, приведу только один случай. В первые месяцы войны попала часть в «мешок», вот-вот будут полностью окружены. Получен приказ отступать. Иосиф Яковлевич на грузовой машине поехал собирать бойцов по постам. На обратном пути, только проскочили мост, вдруг видит: в реке человек никак не может выбраться на крутой берег. Спустился под пулями к реке, помог вылезти на бе-

рег, в машину посадил, тогда поехали. Это был раненый, терявший последние силы, фельдшер одной из рот нашего батальона, С.К. Кузнецов.

Мудрый человек был наш комбат. Мудрый, значит и добрый. Вы заметили? – Даже очень умные люди могут быть и хитрыми и злыми, мудрые – всегда добры... Может, мудрость приходит от доброжелательной внимательности к окружающим?..

На ремонте дорог

Дороги во время войны играли чрезвычайно важную роль, ведь от ближайшей железнодорожной станции до передовой линии фронта боеприпасы, продовольствие и другие грузы перевозили на автомашинах. Проезжее состояние дорог требовало огромного труда.

В своем военном дневнике Н. Романовский писал: «Чёртовы эти дороги. Только проложат дорогу, выставят вехи, укатают все неровности грейдером, и, кажется, что такая дорога прямо в рай тебя приведёт. Но стоит упасть дождю, вся отшлифованная до блеска в сухую погоду дорога превращается в гигантский клейкий мухомор, а автомашины на ней в мух...».

А вот как описывает он один эпизод путешествия по проселочным дорогам в наших местах, около станции Красная Заря Курской области (Романовский Н. – С. 85): «Неподалеку от Соловьёвки мы увязли в грязи. Машина буксовала. Все мы, сколько нас было, вылезли из машины и начали вытаскивать её, сами увязая по колени... Мы падали, поднимались и кое-как вытащили свой рыдван на твёрдый грунт, выпачкавшись в грязи от пяток до макушки».

Как я уже сказала, делать дороги проезжими, было одной из задач нашего батальона. Мне тоже приходилось участвовать в выравнивании грейдерной дороги. Лопатой дорогу «брили», счищая малейшую неровность. Но после дождя она превращалась в каток.

Значительно чаще занимались тем, что заполняли рытвины на «просёлках» битым известняком. Очень тяжёлая работа, ведь всё тогда делалось вручную.

Весной сорок третьего года наш батальон находился на границе Курской и Орловской областей. Просёлочные дороги с множеством рытвин, колдобин. Дождь, мокрый чернозём делали их непроходимыми, о чём так ярко записал Романовский. Спасали положение залежи Девонского известняка. Его крупными глыбами свозили к наиболее трудным участкам дороги.

Здесь бойцы тяжелым молотом дробили камни, на носилках носили к месту укладки. На дороге трамбовали «бабами» - тяжелым бревном с прибитыми ручками. А люди уже не очень молодые – почти всем под сорок.

И так каждый день, в любую погоду. С погодой считаться не приходилось: фронт не ждёт. Строительного материала не хватало. И немцы строить не очень-то давали. Тогда самолетов было у них ещё много, и патрулировали над нами довольно часто. Чуть что: «Во – о – озду – у – х!». Надо было и молотом бить, и в небо поглядывать.

Некоторое время участвовала в ремонте дорог и я. Работа чередовалась с отдыхом. Пятьдесят минут на работу, десять – на перекур. В первый день мне показалось десяти минут на отдых много, хотелось работать ещё.

«Не спеши, дочка, – сказал пожилой боец, сворачивая «козью ножку». – Отдохнёшь, – больше сделаешь, – много дорог впереди!».

Отдых был необходим для работы. Я это почувствовала очень скоро и уже с нетерпением ждала, когда командир отделения, взглянув на часы, крикнет: «Пе – е – е – ре – кур!».

Особенно тяжело было бойцам. Желтоватая пыль от известняка садилась на лица, тёмные на пропотевших лопатках гимнастерки усталых людей, а они, казалось, неторопливо, по-хозяйски делали свое дело. Конечно, всякие люди встречались и здесь. Были человека два с лендой, чаще других облакачивались на ломы и лопаты. Но не пользовались они уважением, не одобряли их бойцы.

Тогда я впервые поняла, что всякую работу можно делать кое-как или вдумчиво, размышляя над нехитрыми усовершенствованиями. Тогда же научилась видеть за немногословностью и внешней суровостью – заботливость и доброту. Много ли пользы на тяжёлой работе от тоненькой маленькой девчонки? Но не помню резкого слова, неприветливого взгляда. Солдаты заботились, как могли: на носилки не разрешали насыпать много камней, в пару со мной становились разные бойцы, но все брались за ручки носилок ближе к основанию, чтобы главную тяжесть груза взять на себя. (Это я поняла много позже).

Я комсомолка, комсорги

Когда работала на ремонте дорог, меня приняли в комсомол. В школе не успела – комсомольцами становились с восьмого класса, а я закончила только семь.

Наш комсорг, тогда лейтенант Щербинин Митрофан Павлович, возил меня в армейский комитет ВЛКСМ, где задали несколько вопросов, помню, очень доброжелательных. Так с 23 марта 1943 года я стала комсомолкой. Но каких-то общественных поручений не давали, надо было только добросовестно нести службу. До войны и, особенно во время войны, комсомольцы и коммунисты стояли на самых трудных участках. Не блага давало участие в партии, а – ответственность. Не случайно фашисты в селах выискивали и расстреливали семьи коммунистов.

Вскоре молодого лейтенанта Щербинина перевели во фронтовую часть. Комсоргом батальона стал Андрей Васнецов, он давал мне открепление, когда мы уезжали из батальона в тыл.

После войны мы с Андреем встречались на юбилеях Победы, когда приезжали в Москву со Щербининым. С ним, главным моим комсоргом, мы были дружны особенно в последние десятилетия. С ним мы «раздоказывали», танцуя на банкете, в ресторане Россия в 45-летний юбилей Победы, встречались с друзьями, ходили в парк им. М. Горького на 50-летнем юбилее. К сожалению, до 55 годовщины Победы Митрофан Павлович не дожил всего несколько дней. Последние месяцы очень тяжело болел. Ему 26 мая исполнилось бы 82 года. Если успею, постараюсь рассказать о нём подробнее, его жизнь поучительна и романтична.

Письмо домой

В то время много было получено добрых уроков жизни. В один из перекуров, а, может, в обеденный перерыв, кто-то из пожилых солдат попросил написать письмо домой. Бойцы окружили, сели рядом, у всех лица стали сосредоточенными и просветлёнными. Письмо одному, а будто у всех минута встречи с домашними.

«Здравствуй, дорогая Маша! Как здоровье твое и детей? Я живу хорошо...» бойко застрочила я карандашом по бумаге, радуясь случаю помочь и хорошо показать себя хоть в малом деле.

«Э, не умеешь, дочка, письма писать, – вздохнул боец. – Разве *так* пишут? Надо МНОГО написать. Сначала всем поклон передать, никого не забыть, спросить о здоровье. Потом скажешь, живу, мол, хорошо, чего и вам желаю. Под конец напишешь: жду ответа, как соловей лета!».

Тогда я почувствовала в таком письме только тоску по домашним. Нужно было прожить жизнь, чтобы понять суть такого письма. В частом употреблении для нас стёрся прямой смысл многих слов и обращений. Боец пишет: «Здравствуйте, дорогая жена Мария Степановна!.. А ещё передаю свой поклон родной дочери Настасии. А ещё...».

Подобное обращение, перечисление имён кажется наивным и немного смешным. Некоторое недоумение почувствовала тогда и я: жену по имени и отчеству?

Но как ёмко выражены в этом забота, уважение, любовь и даже просьба о прощении за все проступки в мирной жизни!

В письме нужно *много* написать, говорил боец, а кроме поклонов по длинному списку имён родственников и знакомых, в нём почти ничего не было. Но за каждым именем солдату виделась вся предыдущая жизнь с этими людьми и те, кто читал письмо, понимали это. Письмо в годы войны – большое событие. Все в деревне придут его послушать, потом долго будут обсуждать, вспоминать подробности. Каждому в радость услышать своё имя, зато сколько огорчений тому, кого забыли назвать!

И потому так долго думает боец над письмом и добавляет поклоны и приветы... И заново переживает жизнь.

Наш КПП

Тяжёлые потери на фронте требовали пополнения бойцов, и из частей, обслуживающих передовую, наиболее крепких, молодых, отбирали для участия в боях. Пополнение в прифронтовые части приходило из тыла за счет тех, кто постарше, из госпиталей и немного за счет девушек.

В нашу часть прислали девушек из Мордовии. Было им по 18-19 лет. Это были веселые девчонки, которые дома ничего не делали без мамы, даже еду себе не готовили. Сколько раз в некоторых ситуациях повторяли: «Видела бы мамочка!».

И правда, видела бы, так ужаснулась, очень уж много и жизненных трудностей и опасностей пришлось им переживать. Но девчата не ныли, слёз я тоже

что-то не помню, во всяком случае, от трудностей, от обид бывали иногда. И еду себе готовили, и службу несли, как положено, и письма домой бодрые писали.

А я не только избалованной была, но и трусихой: боялась одна в тёмную комнату войти. И вдруг сразу всё переменялось.

Первый раз поставили на пост ночью. В конце апреля переезжал второй эшелон штаба армии в село Теляжье, нас срочно сняли с курсов регулировщиков, расставили по дорогам показывать правильный путь. Оставили одну, где-то в стороне от домов. Ночь тёмная, церковь полуразрушенная рядом, сычи там кричат... Дорогу объясняла так, как мне рассказали.

И что удивительно – не было страха ни тогда, ни потом, хотя многое пришлось пережить, однажды около кладбища одной всю ночь простоять на посту! Время было такое, не до мифических страхов, – некогда было.

Понятно, на ремонте дорог от девушек мало пользы. Медицинского образования у них не было, да и не требовалось нашей части столько медицинских работников.

Нашлась работа в службе регулирования. Регулировщики стояли на постах регулирования и на контрольно–пропускных пунктах, называли их коротко – КПП. Как я уже говорила, задача постов регулирования – направить движение транспорта по более короткой, удобной и менее опасной дороге. Задача КПП была не только показывать дорогу, но ещё проверять документы. Это было важно, в частности, чтобы каждая часть имела положенное ей число машин. (Я уже говорила, что помимо специальных военных автомобильных частей, были и машины, приданные каждой воинской части).

Не зря стоит под Брянском памятник шоферу. Тяжёл и опасен был их труд, и много погибло при доставке грузов на передовую. Стоит, бывало, машина сиротой: убит шофер. И тот, кто проедет мимо первым – забирает её в свою часть. Так получалось, что в одной части машин становилось больше, чем положено, а в другой – и необходимого нет. Поэтому на каждую машину стали требовать не только паспорт, путевой лист, права водителя, но и справку о закреплении машины за водителем и за частью. Обязанностью дежурных КПП было выявлять машины с неоформленными документами и передавать их нашему начальству. Для этого при КПП находилась специальная стоянка задержанных машин.

Кроме того мы сажали на попутные машины командированных, возвращавшихся в часть после ранения, всех – кто нуждался в попутном транспорте. Около нас всегда было много военных, потому мы узнавали новости не хуже, а часто, лучше, чем из газет. Помню, когда в сорок третьем году начали освобождать нашу землю, военные переживали, что в Крыму, на Северном Кавказе среди татар, чеченцев, ингушей находились предатели. Проводили врагов потайными тропами в наш тыл. Бойцы погибали на отдыхе, в резерве... И когда в феврале сорок четвёртого года прошло переселение всего населения в казахстанские степи, военные были рады: тыл должен быть свободен от врагов.

На КПП стояла маленькая будочка, на подъездах к посту – плакаты, призывающие к битве лозунги. Плакаты нашего поста были хорошо оформлены, их

рисовал настоящий художник Андрей Васнецов, тогда ещё молоденький юноша.

До нас стояли на дорогах крепкие солдаты, они ушли сражаться на фронт. Наш пост был своего рода экспериментальным: первым в нашей армии состоял из девушек, за исключением командира.

Всего нас было шесть, стояли по две – одна останавливает машины, другая документы проверяет (это называлось – дежурная КПП).

У регулировщика в руках два флажка: в правой руке жёлтый, в левой – красный флажок. Стоя лицом к машине (метров за 50), он резко поднимает правую руку с жёлтым флажком: «внимание!». Также резко руку опускает. Если машину можно пропустить не задерживая, регулировщик поворачивается боком, лицом к проезжающей машине, держит правую руку с жёлтым флажком на уровне груди.

Когда машину надо остановить, после сигнала правой рукой, резко поднимается рука левая с красным флажком, сигнал: «Стой!», пока машина не остановится.

К машине подходит дежурный КПП, руку к пилотке: «Товарищ командир, КПП номер..., разрешите обратиться к водителю. Товарищ водитель, предъявите документы!».

В кино обычно показывают девушку-регулировщицу, бойко размахивающую флажком в центре города. Мы же, как и подавляющее число регулировщиков, чаще всего стояли на перекрёстках дорог далеко от селений, и только изредка на окраине села или городка. Лишь однажды наш пост находился на краю большого города – Новгород-Северского.

Из девушек особенно дороги мне трое: Маруся Пирожкова, Нина Миндрова, Настя Шатова. Настя, чтобы попасть на фронт, скрыла от врачебной комиссии, что у неё не очень хорошо со слухом. Из-за этого, скромная и застенчивая, она старалась казаться боевее, чем на самом деле. Тряхнет кудрями, сверкнет голубыми глазами, вздернет нос кверху! Весёлая, красивая, и товарищ прекрасный.

Нина Миндрова и в военной форме, тяжелых, не по ноге, сапогах, такая мирная, женственная, красивая и даже немного кокетливая – все на нее засматривались. И при этом регулировщик прекрасный, и винтовка всегда вычищена и доброе слово к месту сказано.

Маруся Пирожкова была мне ближе всех. Вместе на посту стояли, значит, всё остальное тоже вместе. В противоположность Нине, Маруся всегда серьёзна, только большие глаза где-то в глубине улыбались. Маленькая, винтовка за плечами казалась больше её самой, но как слушали Марусю водители! Через какое-то время Маруся и Нина стали дежурными КПП. Настя стояла с Ниной.

А ещё две девушки-регулировщицы менялись. Очень боевая Рая Мусатова, долго не задержалась у нас. Марусю Самохину убили. Несколько месяцев стояла на посту Валя (фамилии не помню). Старше нас всех, (24 года). По нашим тогдашним меркам, это уже почти старость. Но более взрослой её делали характер и комплекция. Валя – полненькая, медлительная и замкнутая.

В последние месяцы моего пребывания в армии, к нам на КПП передали Марусю (тоже фамилии не помню), по гражданской довоенной профессии – водителя. Поэтому она стеснялась своей должности «военной милиции» – регулировщика. Вот она, несмотря на то, что тоже, как и Валя была старше нас, пришлась всем по душе.

Всегда мы жили дружно, не помню случаев ссор. Двое на посту, а четверо всё делали сообща. Вместе стирать ходили (за четыре часа на дороге пыли на нас оседало столько, что и за восемь не отмоешь). Вместе винтовки чистили, стрелять учились, еду готовили, отдыхали вместе.

А однажды едва не сгорели. Зимой 1943-44 года стояли мы недалеко от Бобруйска. Никак не могли наши войска прорвать оборону. У фашистов очень сильные укрепления, дороги хорошо пристреляны, а без дорог не пройдешь: танки, орудия в болотах проваливаются – не замёрзли болота.

«Гнилая» стояла зима. Плохо было и нам. Ночью мороз, в сапогах не устоишь, а утром возвращаешься с поста – вода в валенках хлюпает.

Жили в землянке: вырыли нам бойцы яму, сверху сосновых веток понакидали, землёй засыпали. Вместо двери – одеяло. И, конечно, «тесная печурка» из железа. А рядом с печуркой – нары из земли, покрытые соломой. В тот раз уснули мы, валенки мокрые поставили к печке сушиться, да неудачно. Валенки стали тлеть, упали на дровишки перед печкой... Хорошо, что Настя пришла на смену звать, огонь разбросала и нас разбудила, а то сгорели бы, или задохнулись.

Хорошо шагать в строю

Знаю, многие не любят, а мне нравилось ходить в строю. Правда, приходилось это не часто. В армии, ещё на ремонте дорог, мы перемещались («перемещались», говоря военным языком) на новое место пешим строем.

Рота дружно шагала в ногу, и было замечательное ощущение единства с теми, кто рядом. Иногда мне поручали запевать строевую песню, она осталась от более раннего времени.

*Город спит привычкой барской,
А трубач трубит подъём.
Клич раздался пролетарский,
На борьбу мы всех зовём.
Припев: Наша школа, школа полковая,
Комсостав стране лихой кует.
Смело в бой идти готовы
За трудящийся народ.
Посмотри-ка, европеец,
Как сплочён весь этот круг –
Командир и красноармеец,
Комиссар и политрук!*

И ещё пели Дальневосточную партизанскую: «По долинам и по взгорьям»...

Когда шагаешь вместе со всеми в строю, да ещё с песней, не так чувствуешь усталость. Но один раз был переход сразу больше двадцати километров, тогда очень устала.

«Это пройдёт...»

Прежде чем поставить на пост, нас направили на учёбу – десятидневные курсы регулировщиков. Было чему нам учиться на курсах: с винтовкой обращаться, затвор разобрать и собрать за короткий срок, всё было внове.

Поначалу никак не слушался затвор. Командир отделения старший сержант Царьков, добрый улыбчивый парень, сокрушался: «Затвор не ласкать надо, что вы его так нежите? Сильнее, резче двигайте рукой!».

Только самое трудное было учиться ходить строевым шагом. Не слушался носок, подгибалось колено, и мы, и Царьков с нами, выбивались из сил...

Когда, месяца два спустя, меня отправили с донесением к комиссару, я очень волновалась, – сумею ли правильно подойти. Комиссар на краю обрыва разговаривал с кем-то из начальства. Передала пакет, повернулась, сделала несколько «строевых» шагов и – всё во мне запело, – услышала сзади: «Смотри, какая строевая походка». Только почему такой грустный голос? И почему таким задумчиво-утешающим тоном в ответ: «Ничего, это пройдет»...

Не поняла тогда, что больно было мужчинам видеть девушек на войне.

Память избирательна

Всё-таки, как удивительно избирательна память! Мне казалось, о пребывании в армии всё помню очень хорошо. Но на днях достала свою маленькую записную книжку-дневник и прочитала запись, сделанную первого мая сорок четвёртого года с воспоминаниями годичной давности.

Привожу почти дословно: «Вспомнилось мне, как в прошлом году, в первый раз стояла с флажками в руках на РП (пост регулирования) номер 4 в Троицком. Сначала ночью, около полуразрушенной церкви, в которой жили лишь филины да грачи. Мы были там два дня – 23 и 24 апреля 1943 года. Дни выдались замечательные – солнышко, тепло, красиво.

Обратно, в Левашовку, шли пешком. Винтовки с нами. Помню номер моей винтовочки – 98989, 1925 года, Ижевского ружейного завода. (А вскоре вместо винтовок нам дали карабины, с ними легче было стоять на посту).

Днем 30 апреля у нас были испытания после окончания курсов. Помню, папа за нас волновался, он руководил курсами. Ходили в строю по лужайке. У меня болела рука – нарывал большой палец, а винтовку как раз надо было нести на больной руке. Рука посинела, опухла. Командир отделения Царьков, наверное, заметил, сказал папе что-то, взял у меня винтовку.

Позже, в тот же день сдавали мы устный экзамен. Майор Семёнов остался доволен курсантами.

После окончания курсов от нашего КПП на Нину Миндрову, Марусю Пирожкову и меня послали в штаб армии представление к званию младшего сержанта.

Вечером 30 апреля мы из Левашовки ходили (весь личный состав курсов) в Крутое, в штаб батальона на доклад комиссара капитана Сафонова. После тяжелого дня многие слегка «клевали носом», а у меня очень болела рука.

Возвращались в Левашовку в такой темноте – «хоть глаз коли». Помню – грязь страшная. В Левашовке переходили речушку вброд. Первый раз надели новенькую летнюю форму и заделали её невозможно!».

Вот о нашем походе в Крутое и возвращении, переходе через речушку, совершенно не помню. Даже когда прочитала, плохо вспомнилось. Наверное, лучше запоминается хорошее или очень болезненное, а небольшие неприятности в памяти не задерживаются.

Мы задерживаем машины генералов!

Первое время руководство побаивалось – будут ли слушать нас водители. Хорошо, если требуемые документы на машину есть, а если нет, и машину следует задержать, поставить на специальную стоянку? Ведь помощи ждать неоткуда – только две девчонки стоят посреди дорог.

Опасения были напрасными. Подчинялись нам, в основном, исправно, хотя первое время мы задерживали довольно много машин.

Теперь понимаю, что дело было не столько в нашей решительности, но, главное, в большой воинской дисциплине. Мы действовали по уставу и потому беспрекословно нам подчинялись не только водители, но и генералы. Очень мы старались добросовестно нести службу, по молодости даже чересчур: машины с высоким начальством задерживали тоже.

Один раз был такой случай. Ехал на своем «серебряном», покрытым дюралюминием, виллисе, командующий 16-ой воздушной армией генерал С.И. Руденко. Проверяю документы, а на машину не все справки есть. Докладываю по форме: «Товарищ генерал, разрешите доложить, на основании приказов (таких-то), за номерами (такими-то), Ваша машина задержана».

«Девушка, а как же мне быть, мне ехать нужно», – улыбается генерал. «Я вас не задерживаю, – говорю, – езжайте». «А как же, на чем я поеду?» «Я на попутную машину посажу». Наша обязанность заключалась еще и в этом, сажали мы на попутные машины командированных, возвращавшихся из госпиталей, бойцов и офицеров.

Конечно, явившийся на пост наш начальник сразу же отпустил машину. Посмеялся тогда генерал, а другие, бывало, и сердились, не только у этого генерала задерживали мы машины.

Еще раньше, когда командующий нашей армией генерал П.Л.Романенко в первый раз проезжал мимо нашего поста, и я подошла проверить документы, он глянул искоса, рывком раскрыл удостоверение личности.

Ну, тут уже не до проверки, по стойке «смирно» докладываю: «Товарищ командующий, пост... дежурная... За время моего дежурства происшествий не произошло». Во время моего доклада даже машина, казалось, едва сдерживала нетерпение и сразу взяла полный ход.

Говорили потом, что начальнику дорожного отдела армии инженер-майору Ткачеву было сделано замечание за то, что не знаем машину начальства. Ну, а мне вынесли благодарность по армии и присвоили звание ефрейтора. Наверное, за то, что не оробела перед начальством.

Командующий тогда показался мне сердитым, но удивительно ещё, что выслушал рапорт полностью! Это было в мае сорок третьего, когда в обманчивой тишине мы с заката до восхода заслушивались знаменитых курских соловьёв.

Место было самое соловьиное. Село Теляжье, на окраине которого стоял наш КПП, разделял на две половины широкий овраг. Посередине оврага пробегала речушка-ручеек, а дно и склоны густо поросли кустами ивняка.

Какие ясные, тёплые и тихие были зори!

Тогда мы долго стояли на одном месте – с начала мая по 27 июня. Мы расчистили траву, посыпали песком обочину дороги у будки, сделали насыпь – календарь и, встречая новый день на заре, из осколков кирпичей перекладывали новую цифру. Потому так и запомнилась последняя дата.

В те дни в прифронтальной полосе строжайше запрещались даже одиночные выстрелы, чтобы не выдавать расположения в сёлах воинских частей. Специальные патрули строго следили за выполнением приказа. В напряжённом ожидании больших сражений замерла война. Только соловьи на разные голоса славили жизнь.

А мы проверяли документы у водителей, готовили себе обеды, ходили стирать на речушку и потом выслушивали нотации от командира нашего КПП лейтенанта Зайцева за то, что не всегда докладывали ему о своем «походе». Трудно привыкали к тому, что уже всё время, а не только то, что на посту, принадлежало не нам, а воинской дисциплине.

Не всё для нас безмятежно

Однако, не всё для нас в Теляжье было безмятежно. Вскоре произошло несчастье. Поначалу разместили нас на жильё около поста, – в колхозном цветущем яблонево́м саду предоставили шалаши.

В том же саду, рядом, стояли шалаши и бойцов другой роты. Красноармеец чистил винтовку, нечаянно выстрелил и попал в одну из наших девушек, убил наповал. После этого случая всех разместили по домам, сад опустел.

Позже, когда мы уже жили в доме, я едва не попала в штрафной батальон.

Дежурство подходило к концу, когда к нам на пост заглянули пограничники (все так их называли). Они обходили село, предупреждая нарушения тишины. Патруль, молодые ребята, стали шутить, посмеиваться над нами. Один говорит мне: *«Ты, небось, не знаешь, как и на курок нажимать. Зачем тебе винтовка?»*. Товарищи поддерживают, подшучивают.

Я взяла винтовку в руки (во время дежурства она всегда на ремне за плечами), подняла ствол вверх, щёлкнула курком, передёрнула затвор, щёлкнула еще раз, и... неожиданно, во всяком случае, для меня, раздался выстрел. Не знаю, кто тогда больше испугался – я (звука выстрела) или патрульные. Они-то испугались последствия, к тому же поняли свою вину.

«Ну, молчи, мы никому не скажем». Они и не сказали...

В полночь мы с Марусей сменились с поста, пришли домой, легли спать. А ночью, уже перед рассветом, пришли к нам домой другие патрульные, разбудили меня, спрашивают: «Стреляла?». – «Стреляла», – говорю. Посмотрели они мою винтовку – ствол грязный. Да я и не скрывала. Неохотно так говорят: «Ну, что же, пошли к командиру».

На выгоне стояли несколько офицерских палаток. К одной из них подвели меня, вызвали командира. А уже рассвело, солнце всходит. Молодой офицер, нагибаясь, вышел из палатки. Застёгивая ворот гимнастёрки, сонный, шурился на солнце. Тоже спрашивает «Стреляла?» – «Стреляла».

«Зачем?». – Молчу, ну что тут скажешь!..

«А ты знаешь, что тебя следует отправить в штрафной батальон? Приказ знаешь?!». – Что говорить, молчу, голову опустила, но не плачу.

Посмотрел на меня строго: *«Иди. Но больше не стреляй!»*. – *«Не буду»*.

Наверное, нашему начальству был за меня нагоняй, но мне ничего не сказали, видно пожалели. Больше пострадал тот, кто донёс, – перевели в другую часть. Патруль рассказал, кто это, а доносчиков нигде не любят.

Курская дуга

Прошло почти тридцать лет... Этот год выдался необычным – поздняя весна и затем небывало холодные, дождливые летние месяцы. Зато удалась светлая пора осени. Стало тепло, солнечно, и ожила природа: полезли из-под лесной подстилки грибы, вновь созрели ягоды земляники, появились запоздалые комары. Заденешь за куст, а они оттуда ленивой, но не маленькой стайкой.

И, наверное, необычность такого количества крылатого племени в тишине, умиротворённости бабьего лета, с особенной силой вернула память в годы войны.

Только тогда были не комары, а – мухи... Полчища мух пробирались через все пологи, не давая спать, сыпались в кастрюльку, стоило только приоткрыть крышку, в миску с едой.

Сколько было мух! Столько не бывает комаров на лесном кордоне в июньские комариные дни. Страшные мухи прифронтовой полосы. Было это на Курской дуге в селе Яковлево, в пяти километрах от Змиёвки, в жарком июле сорок третьего, когда после первых суровых боев наступило очень короткое затишье.

В эти дни особенно тщательно следили за движением машин, снабжавших передовую линию фронта. Машины шли, в основном, по ночам, не зажигая фар. А регулировщики не только показывали путь, но после смены ещё патрулировали по дорогам, не допуская малейшего скопления машин. Не помню, чтобы такой строгий контроль был в другие дни. Тогда нам приходилось довольно туго: четыре часа пост, четыре часа патрулирование и только четыре часа на отдых.

Мы не знали, что в нашем районе, на Северном фесе Дуги шла последняя подготовка к боям, от которых ожидался окончательный поворот в ходе войны. Готовилось сражение, после которого только – наступать, только – вперёд!

Советской военной разведке стало известно, что Гитлер 15 апреля 1943 года отдал оперативную директиву номер шесть:

«Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» – первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года...

Я приказываю:

- 1. Целью наступления является сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой – из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их».*

В этой же директиве Гитлер сказал: *«Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира».* (Кардашов В. Рокоссовский. – М., 1972. – С. 319-320).

Н.А. Антипенко в своих воспоминаниях писал: «В ходе оборонительного сражения с 5 по 12 июля было израсходовано Центральным фронтом 1079 вагонов боеприпасов...13 армия Центрального фронта израсходовала такое большое количество боеприпасов, которого не было за столь короткий срок в истории войн вообще.

Это стало возможным потому, что заблаговременно было завезено на огневые позиции такое количество боеприпасов, какого хватило и для отражения атак противника, и для обеспечения контрудара. Подвозились боеприпасы до огневых позиций как по железной дороге (в район станции Поньри), так и автотранспортом» (Антипенко Н.А. – С. 114-115).

Вся эта большая работа вполне оправдала себя. На нашем участке фронта «За пять суток ожесточенного сражения противнику удалось вклиниться в нашу оборону на 10 км по ширине не больше 10км. Это обошлось немцам в 42 тысячи убитых солдат и офицеров и 800 уничтоженных танков» (Н.А.Антипенко. – С. 113).

Неудивительно потому было такое большое количество мух в прифронтовой полосе летом сорок третьего года. Но в Яковлеве была и еще одна – дополнительная – причина. Перед наступлением наших войск в село вошли разведчики. Гитлеровцы окружили их на окраине и в неравной перестрелке все семь бойцов погибли. Жителям не разрешали их трогать, и с неделю убитые разведчики лежали на земле под жарким июльским солнцем. Только потом, ночью, тайком, удалось жителям их похоронить.

Наши медали

Первый победный салют в Москве был 5 августа, в честь освобождения Орла и Белгорода. Эти города с тех пор так и называют городами первого са-

люта. Нам побывать в Орле тогда не пришлось, нас отправили южнее. О событиях того времени вновь привожу воспоминания Н.А. Антипенко (С. 115-116).

«К незабываемым страницам из истории тыла Центрального фронта на Курской дуге следует отнести действия наших автомобилистов и дорожников в момент перехода от обороны в контрнаступление.

Когда выяснилось, что противник оттянул из района Льгова силы, чтобы сдержать натиск наших войск на Орёл, создалась благоприятная обстановка для нанесения удара в Льговском направлении. Командующий фронтом решил перебросить туда резервный корпус в составе 25 тысяч бойцов с артиллерией и другой техникой. Он вызвал меня и поставил задачу: транспортом тыла фронта перебросить за 36 часов этот корпус на 100-120 км к западу...

Транспорт под погрузку был подан за час – два. Трудность заключалась в том, что кроме людей, надо было перевезти и несколько сот артиллерийских лошадей, для чего пришлось дополнительно оборудовать автомашины, орудия же конной артиллерии шли на прицепе у автомашин, ограничивая скорость движения.

Благодаря чёткости в работе штаба тыла и хорошо отработанному взаимодействию автомобильной и дорожной служб фронта задание командующего было выполнено не за 36, а за 24 часа. Вырвавшись на оперативный простор, корпус совершил героический четырехсоткилометровый поход до Днепра, форсировал его и вышел в тыл Киевской группировке противника.

Военный совет фронта щедро наградил не только участников этого прорыва, но и исполнителей столь важной транспортной операции».

Получили и мы, дежурные КПП, медали «За боевые заслуги». Мы тоже пропускали без задержек машины, гружёные крупными «тяжеловозами» и артиллерийскими орудиями на прицепе.

Конечно, многое из происходящего в то время для нас, рядовых солдат, да еще девчонок, становилось понятнее позже, но и тогда подлинные масштабы и значение оставались неизвестными.

К тому же, признаться, мы мало об этом думали в то время. Разговоры наши, в основном, велись не о происходящем, а о прошлом и будущем. Девушки были призваны из одного места, знали друг друга, и потому их «А помнишь?» были особенно частыми и дорогими для них. Вспоминались мелкие случаи из такой милой довоенной жизни.

Мечтания о будущем занимали значительно меньше времени и были очень неопределенными, за исключением: «Вот, кончится война...» Это звучало рефреном каждый раз. Думаю, только те, кто был на фронте, могут по-настоящему ценить мирную жизнь. Из того, военного времени, особенно запомнилась постоянная мечта о скорейшей победе, о мире.

Сорок третий год был во многом особенный

17 января 1943 года в газетах опубликовали приказ Верховного Главнокомандующего о введении в Красной Армии погон. Целью восстановления знаков отличия командиров было повышение авторитета командного состава. Погоны

сразу делали заметными командиров, принадлежность военнослужащих к тому или иному роду войск.

Помню, бойцы не были довольны нововведением и потихоньку бурчали: «За что же мы боролись в гражданскую войну с золотопогонниками?!».

Среди бойцов проводилась разъяснительная работа, говорили, что погоны – не возврат к прошлому и т.п.

Только я думаю, для солдат введение погон было полезно. Красоты фронтовикам это не прибавило: в окопах, землянках погоны становились и грязными и мятыми. Зато не так сильно давила на плечо тяжесть винтовки и вещевого мешка.

Перемены в Красной Армии начались ещё раньше. Помню, как в конце сорок второго среди командиров горячо обсуждалась публикуемая в «Правде» пьеса А. Корнейчука «Фронт». Считалось, что она написана по заказу И. Сталина и была вызвана необходимостью перемен в командном составе, особенно высшем. Молодой генерал Огнев противопоставлялся в пьесе генералу Горлову. Это находило живой отклик и поддержку среди командиров.

Кажется, пьесу публиковали и в армейской газете «Слово бойца». А «Василия Тёркина» А. Твардовского публиковали всегда, и все читали с большим интересом и ждали продолжения.

Нельзя забыть, что уже в начале года началось наше движение на Запад. Первые успехи на Северном Кавказе, под Сталинградом, освобождение Воронежа, снятие блокады Ленинграда. Но, главное, конечно, решающее – сражение на Курской Дуге. Потому его и зовут «переломным», этот год.

В сорок третьем у нас стало больше самолетов, и, что особенно было заметным для нас – возросло движение машин на дорогах, появились колонны новеньких студебеккеров.

С января сорок четвертого года ввели новый гимн СССР. «Интернационал» стал гимном партии большевиков, а слова С. Михалкова и Г. Эль-Регистана на уже известную музыку А. Александрова, стали гимном СССР.

В штабе нашей армии собрали из разных частей наиболее подходящих красноармейцев для усвоения музыки, раздали текст гимна, чтобы ознакомить с ним свои подразделения. Я тоже была там. Нас учили бывшие артисты ансамбля 48 армии. Этот ансамбль расформировали – требовались солдаты для передовой.

Отбирали для участия в боях и из нашей части. А к нам в сорок третьем направляли бойцов после лечения в госпиталях и освобожденных из гитлеровского плена, тех, кто попал в плен в первые месяцы войны. Помню старшего сержанта-регулировщика, его усталое лицо, согнувшиеся плечи и добрые глаза. Мне он казался очень немолодым, но, думаю, было ему чуть больше сорока лет.

Относились к нему в части доброжелательно, хотя была у некоторых какая-то настороженность. Знали, какой обработке подвергались наши бойцы в плену, выдерживали её не все.

Следом за фронтом

Только перед Курской дугой долго стоял наш пост на одном месте. Потом уже редко когда более одной–двух недель проходило без переезда. Приезжали обычно на другой день после освобождения, ещё гарью пахло. А через несколько дней это уже глубокий тыл.

Так было и в сентябре, когда мы приехали в Новгород–Северский. Город стоит на высоком берегу Десны, а перед рекой широкий пойменный луг, что мне тогда очень напомнило Воронеж. Город издали казался таким беленьким, чистеньким. Поразило обилие церквей, они-то и придавали нарядный вид городу.

И не верилось, что взятие города досталось нашим бойцам большой ценой... А когда пришли в город, увидели взорванную водокачку, почту, разрушенные дома, поваленные столбы с порванными проводами...

Страшные вещи мы узнали от местных жителей и там. На окраине города в 1941 году фашисты устроили среди холмов лагерь для военнопленных. Двадцать тысяч пленных под чистым небом умирали от голода и холода. В конце осени пленных перевели в монастырь. К весне сорок второго года осталось в живых около двух тысяч, их куда-то угнали.

Наш пост находился при втором эшелоне штаба 48 армии, чаще всего в 5–10 километрах от передовой. Но иногда огненные росчерки «Катюш» пролетали над нашими головами, а в сорок четвертом близко клубились одиночные взрывы от артиллерийских снарядов, их осколки долетали и до нашего КПП. Так погибла от осколков Настя Шатова.

Однажды, когда в конце лета и осенью сорок третьего фронт быстро продвинулся вперед, в селе Ильмовка Черниговской области пост за несколько дней оказался километрах в ста от фронта. Временно из КПП нас превратили в пост регулирования. Это значит, что мы должны были стоять поодиночке и не проверять документы, а показывать дорогу к армейским складам. Кроме нас воинских частей в селе не оставалось.

Перед отъездом штаба батальона командир Семенов вызвал меня к себе (я была на это время назначена начальником поста) и предупредил, чтобы ночью обязательно стояли вдвоем и были бдительны: в районе «шалют» бандеровцы.

Всё прошло благополучно. Через несколько дней мы догнали своих.

Только близко от передовой, далеко ли, размеренность службы редко менялась: четыре часа на посту, восемь – на все остальные дела.

Время узнавали, передавая со смены на смену единственные часики. Это были подаренные мне родителями ещё в Воронеже ручные часы, простые по форме, но с довольно точным ходом. Они выдерживали ежедневные переводы стрелок вперед и назад. Когда оставалось совсем немного времени до конца смены, одна из дежурных шла будить очередных. По ночам так хотелось спать, так медленно тянулось время, что все мы не выдерживали, и минут на десять–пятнадцать переводили стрелки часов вперед.

Дополнительные посты

На вопрос, тяжело ли было в армии, могу сказать, что мне всё-таки было легче, чем девушкам: мои родные были близко. Но легче в моральном отношении. В остальном, в чём-то даже тяжелее. Дежурства я несла, как все, а на дополнительные посты девчата могли отказаться, сославшись на усталость. Я себе этого позволить не могла, поэтому они обычно доставались мне. Особенно запомнились два дежурства зимой 1943-1944 года.

Первый раз стояла на холме рядом с кладбищем и подготовленными в мёрзлой земле ямами для могил: с двух сторон холма неподалёку, в селах стояли два госпиталя.

В полушубке и валенках, но попрыгала я почти целую морозную ночь! И зря – машин не было. Возвращаться пешком не хотелось – километра 3-4 по ледяной, с ухабами, дороге идти трудно. А попутная машина вся заполнена бойцами. Они с шутками и улыбками предложили взять меня на колени, но этот вариант совсем не устраивал, и я примостилась у полуторки на подножке кабины. С карабином за плечами, старалась крепко держаться, что было довольно трудно: дорога – как застывшие волны моря в непогоду, и очень скользкая. Хорошо, что стекло кабины опустили, и я могла ухватиться за стенки кабины изнутри.

А в другой раз, только пришла с поста вечером, меня послали километра за три в Городок на Березине. Машин не было, пришлось идти пешком.

Эта ночь была совсем иной: с неба сыпал дождь со снегом, дорога «раскисла». Я не промокла, но длинная шинель поверх полушубка быстро стала мокрой и тяжёлой.

Здесь пост был необходим. Мост через реку ремонтировали и закрыли для проезда. Надо отправлять машины другой дорогой. Но та, другая дорога, обстреливалась и понятно, ехать там водители не хотели, а к запрету относились с недоверием.

Мост находился под крутой горой, сверху, там, где останавливали машины, не был виден. Некоторые водители оставляли свои машины, шли смотреть. Но это тоже делать не следовало – нельзя допускать скопления машин. Здесь пришлось похлопотать порядочно. Машин было много, и не заметила, как прошло время, меня сменил боец. Через четыре часа я вновь должна была занять этот пост и его сменить, а пока поспать у местных жителей рядом с постом. Городок освободили совсем недавно, он был весь разрушен. Жители наскоро выкопали себе землянки – ямы, без окон, из уступов земли сделаны «кровати», вместо двери старое одеяло.

Постелила я в узком проходе полушубок, укрылась мокрой шинелью и мгновенно уснула. Мне казалось, – только что закрыла глаза, а когда открыла – на дворе совсем светло. Как мне стало страшно! Кто же там так долго стоял? Кого я подвела? Но оказалось, меня пожалели, взяли бойца из роты, поставили на моё место, а меня вернули на родной КПП.

«ИскрА в землю ушла!»

Немного позже, когда мост уже отремонтировали, мы все переехали в этот Городок. И при этом едва не свалились в реку.

В этот, единственный раз, мы переезжали на «своей» машине, со своим шофером – Марусей, о которой я говорила. Старую-старую полуторку, совсем без документов, перед этим мы задержали и поставили на стоянку для задержанных машин. Никто за ней не явился, и когда получили приказ переезжать на новое место, погрузили будку, плакаты, наше имущество в кузов, уселись сами. И Маруся – шофер с хорошим стажем, повезла нас в Городок.

Но уже в Городке, на крутой горе, машина не выдержала и стала потихоньку пятиться к реке. Хорошо, что Маруся не растерялась и сумела так направить движение машины, что в Березину мы не свалились.

Потом сказали, что лопнул блок-картер. Сначала я думала, что шутят. Когда в первые дни мы стояли на дороге, а с машиной что-то не ладилось, водители на наши вопросы, почему стоит машина, отвечали: «ИскрА в землю ушла!». И первое время я верила, что это правда.

Что лучше?

Однажды в селе, где нас разместили, было относительно свободно: в избе вместе с нами находились только связисты. Они дежурили по одному за столом, со своим аппаратом и наушниками.

Мы с завистью смотрели на дежурного связиста, – он оставался в тёплой хате, а нам очень не хотелось ночью в непогодь – снег с дождём, идти на пост!

Вдруг от стола раздался голос: «Как я вам завидую – на такой погоде весь сон, как рукой, снимет. А тут – спать нельзя, надо всё время слушать – сигналы ловить. А так хочется спать!».

Наш путь

Очень жалею, что не вела записи в армии, или хотя бы вскоре потом – по свежей памяти можно было многое записать. Особенно плохо запомнились «населённые пункты» – как тогда говорили, те, в которых мы останавливались. Недавно я попыталась восстановить очерёдность нашего движения на запад.

Сначала была деревня Калиновка, станция Красная Заря, затем Русский брод, где нас с мамой зачислили в часть, и откуда началась наша официальная армейская служба. Совсем не помню, где жила во время работы на ремонте дорог, наверное, вместе с родителями.

Первый пост на КПШ был в селе Теляжье.

Хорошо помнится село Яковлево на Курской дуге, особенно обилием мух, я об этом уже писала.

В августе, после Курской Дуги, стояли на перекрёстке больших пыльных дорог. Движение помнится такое, что в нескольких метрах из-за песчаной пыли всё виделось как в тумане: шла большая передислокация частей. После дежурства мы ездили на попутных машинах километра за три на речку: стирать гимнастерки и белье, пыль на зубах скрипела.

Рядом в ложине за высокими ивами располагались танкисты – резерв. Заходила я в их землянку на троих, или четверых человек. Стены и потолок в землянке из брёвен, чисто, около кровати на стене – коврики, на тумбочке фотографии, портрет Сталина. Всё по-домашнему уютно.

Дальше помнится Новгород-Северский, но это уже вторая половина сентября. Долго здесь мы не задержались. Запомнилась история с соседкой нашей хозяйки. Во время отступления она подобрала тяжело раненого бойца, выходила его, прятала от немцев, и они стали мужем и женой, разумеется, в то время неофициально. Когда город освободили, его призвали в армию. Точнее, он сам пришел к военному коменданту. Эта женщина и рада освобождению, но и в тревоге – вернется ли к ней человек, которого они спасла и полюбила.

Почему-то Новгород Северский вспоминается с песней «Случайный вальс» (теперь его часто называют «Офицерским» – «Ночь коротка...»). Может там его впервые услышала? Вспоминается широкая мощёная булыжником улица, ведущая к реке, невысокие одноэтажные дома, откуда могла звучать музыка вальса... Во время войны зайти вот, как это в песне, было вполне естественно. Вальс этот из жизни прифронтовой, потому особенно дорог.

Ещё раньше мы несколько дней стояли на окраине Сум, Середины Буды, в сухие солнечные дни. Потом – провал в памяти, где-то на перекрестках стоял наш КПШ, где жили – не помню. Хорошо запомнилась Добродеевка, там мы стояли долго – с половины октября до половины ноября. Затем была Ильмовка Черниговской области Добрянского района. А дальше несколько сёл в Белоруссии, Городок на Березине, землянка недалеко от станции Жердь, в районе Бобруйска, на болотах. Бобруйск тогда был ещё у немцев.

После Теляжья больше всего воспоминаний связано, пожалуй, с Добродеевкой.

Добродеевка

Добродеевка – маленькая деревня в сосновом лесу. Наш пост поместили недалеко, на повороте просёлочной дороги. Среди очень молодых сосёнок. Их зелёные лапы шли от земли.

Рядом – дачный посёлок Пильня в редком сосновом бору. Среди деревьев много летних деревянных зданий – до войны это были пионерские лагеря. Около некоторых домов ещё стояли гипсовые статуи пионеров. Очень похоже на нашу Сосновку.

В домиках располагался запасный полк, где бойцы проходили обучение. Однажды там провели показательный расстрел дезертира. Собрали красноармейцев запасного полка и приглашали всех, кто свободен. Народу шло туда довольно много, но из нас никто не выразил желания.

Здесь же, близко от поста, в одном из уцелевших домов разместились редакция нашей армейской газеты «Слово бойца». Вывеску я запомнила, а вот название посёлка вспомнила после того, как прочитала в дневнике Романовского «По фронтовым дорогам». Воронежский писатель был корреспондентом газеты. Наши пути пересекались, редакция газеты обычно находилась при втором

эшелоне штаба армии, где были и мы. Но знакомство наше не произошло. Из его дневника узнала, что Пильня находилась примерно километрах в семи от Злынки.

Очередную годовщину Октября мы отмечали в Злынке. Для нас это был большой праздник. Руководство армии собрало из разных частей представителей. В помещении клуба после доклада – концерт самодеятельности, что особенно порадовало наших девушек. На сцене Нина Миндрова и Настя Шатова лихо отплясывали в туфельках, под баян. Помню, их особенно порадовала возможность снять гимнастерки и сапоги, одеть платья. Мне в то время показалось это странным, – видно много во мне было от «синего чулка».

Праздновали несколько дней и в Добродеевке.

Запомнился на окраине села прощальный костёр партизан. Мы смотрели на них издали, с благоговением. Воевать, когда кругом враги, когда нет тыла, очень страшно. Партизаны – настоящие герои.

В это же время с другой стороны нашего небольшого села танцевали бойцы 16-ой Литовской дивизии. Пригласил меня танцевать один литовец, а я тогда танцевать не умела. Запомнилось его молодое полное лицо интеллектуала и слова: «Вы не знаете половины радостей жизни».

Очень скептически тогда я восприняла эту сентенцию. Радость танца поняла много позже.

Добродеевка памятна ещё и тем, что здесь мы у хозяйки квартиры воровали картошку. Наш пост всегда стоял в стороне от батальона, продукты мы получали сухим пайком на несколько дней. В тот раз наш КПП оказался далеко от части – километров за 100-150, продуктов во время не завезли, а те, что были – кончились. Денег ни у кого из нас не было.

Стояла осень – октябрь. Только что убрали картофель. У нашей хозяйки – худощавой, черноволосой женщины, картофелем был заполнен погреб и подполы – в комнате, где мы жили, и в кухне. Большая гора картофеля лежала под навесом около сараев и хлева.

Нам, голодным, ничего не оставалось делать, как ночью в нашей комнате открывать крышку подпола и набирать ведро картошки. Днем мы её открыто чистили и варили. Так несколько дней питались одной картошкой.

Наверное, хозяйка догадывалась «откуда дровишки», но ничего не говорила. Первое время она была очень мрачной и неприветливой, но через некоторое время слегка «оттаяла» и стала даже доброжелательной. Нам сказали, что её муж служил у немцев полицаем, его повесили партизаны незадолго перед освобождением села.

В Добродеевке памятен забавный случай, потом девочки очень смеялись. Однажды проезжал мимо нашего поста командированный – капитан, или лейтенант, не помню, журналист. Пока я проверяла документы у водителя, он пошутил, что ему хочется сюда еще раз приехать, и спросил – можно ли. Я сказала, что-то вроде того, что «Конечно, приезжайте», не придав этому никакого значения. А он, видимо, решил, что это приглашение.

И вот, однажды, тёплым вечером, девушки ушли погулять, а я в доме разговаривала с шофёром легковой машины нашего начальника Дорожного отдела штаба армии, инженер-майора Ткачева. Уже не молодой человек, он часто приходил в Добродеевке к нам поболтать.

Вдруг является журналист, с портфелем, плащом на руке. Отыскал дом, где мы жили. Правда, это было нетрудно: деревушка небольшая. Конечно, я смутилась и была, что называется, огорошена. Он ситуацию понял, но так быстро сдаваться не захотел, попросил его проводить. Вышли мы на крыльцо. Ночь тёмная, тихая, звёздная.

«Смотрите, какие звёзды!» – сказал он. А я ответила: «Ой, холодно! До свидания». Вот над этим подружки мои и похохотали.

Меня тогда немного удивляло, что к нам заходил этот водитель Ткачева. Он явно ни за кем не ухаживал, скорее наблюдал. Через четверть века после Победы, мне кажется, этому нашлось объяснение. Наш комбат Семёнов тяжело заболел, и мы, воронежцы, пришли его навестить, поздравить с Днем Победы. После этого я стала заходить к нему часто. И как-то он сказал, что Ткачев хотел меня к себе «приблизить». Семёнов это понял и предупредил, что если будет сделан такой шаг, Ткачев будет иметь дело с ним. Случайно, или нет, но вскоре Семёнова перевели в другую часть.

О любви

Когда сейчас спрашивают, труднее ли было женщине на войне, чем мужчине, отвечаю, что женщине было труднее и после войны: долгие годы уже в мирное время на тех, кто побывал в армии, поглядывали косо.

Конечно, девушкам на фронте было непросто. Тяготы повседневных буден были особенно тяжелы для тех, кого дома баловали. И они не выдерживали, уступали. Иногда мы останавливали легковую машину с пожилым командиром, а на заднем сидении уютно располагалась хорошенькая девушка, ухоженная, в шерстяной гимнастёрке.

Таким контрастом выглядели мы, в большой шинели, больших сапогах, особенно холодной дождливой ночью. Но, ни разу, ни малейшей капли зависти не возникало, только – теперь это может показаться кому-то странным, – только жалость. Не пользовались они уважением, да таких было не много.

Конечно, была и любовь, как и в мирное время. Всё было также: человек-то не меняется, только обнажённее становится его сущность. Ходила поговорка: «Война все спишет!». Но была и другая – «А кое-кому – пропишет!». Всё, как и в мирное время. Только внутренних запретов для мужчин, особенно женатых, было меньше.

Мирная жизнь так далека, что казалась нереальной. Возможность смерти – совсем близко, это ещё более отдаляло тех, кто «до войны». А рядом – девушка, не только делившая военную долю, но и нуждавшаяся в нём, его поддержке.

И если для женатых мужчин довоенная жизнь казалась несуществующей, то для девушек, ещё и не знавших жизни, – тем более. И было страшно умереть, так и не полюбив...

И была любовь. И рождались дети. Но большинство мужчин после победы вернулись к себе домой, в такое желанное «до войны», к тем, кто их тоже ждал. Женщины, любимые на фронте, ждали напрасно...

И росли дети, не зная отцов. Кто погиб, не дожив до победы, а кто просто для них исчез.

«Что же это было у мамы – большая любовь, или большое горе?» – спрашивает у меня дочь одной из военных подруг. Её отец последнее письмо прислал матери в ожидании большого сражения, больше писем не пришло.

Кого винить? Виновата была война, только расплачиваться пришлось женщинам и детям...

Но, надо сказать, очень многие не расстались и после войны, вместе прошли «всю оставшуюся» жизнь, знаю много таких пар.

К сожалению, меня любовь на войне обошла стороной. Конечно, очень хотелось полюбить – кто в 16-17 лет не мечтал об этом? Но как-то не встретилось такого человека. К тому же поначалу была очень молода, считали меня ребенком, и это помогло не сделать ошибок.

Только небольшая влюбленность все-таки была. Однажды, когда нас ещё не зачислили в армию, в избе, где мы жили, заночевали сапёры. Вечером все собрались за чаем у стола, много пели. Мне очень понравился молодой лейтенант (19 лет) Николай Скобелев из Горького. Я ему тоже понравилась, он прислал письмо, завязалась переписка.

Через какое-то время, когда я уже была в шинели, встретила его, идущего со своим взводом по дороге мне навстречу. Он остановился, мы радостно и немного влюбленно смотрели друг на друга, о чем-то поговорили несколько минут, он побежал догонять свой взвод. Я в то время была очень серьезной и максималисткой. Следующее письмо мне не понравилось легковесностью, обращением то на «Вы», то на «ты». Я не ответила, на этом наш «роман» закончился.

Позже, осенью сорок третьего года ко мне был очень равнодушен старшина запасного полка, стоявшего рядом с нами. Мы жили в Добродеевке, а полк стоял в Пильне. Наша квартирная хозяйка говорила: «Галя, смотри, он уже взрослый, ему 28 лет, у него жена дома».

Мне он был совсем безразличен. Но поцеловал меня первый раз в жизни именно он. Сработала его настойчивость и моё любопытство. Ведь столько написано о радости поцелуя!

И была разочарована.

Однажды рядом с нами стояли пехотинцы, они собирались у нас, рассказывали что-то забавное. Мне там понравился Василий Серостанов. Он подарил потрепанную книжку без начала и конца – письма Пушкина своей Натали. (Очень берегла, но уже в Воронеже, она пропала). Я получила от него письмо, где было написано, что кто-то особенно вспоминает Нину, кто-то Настю, кто-то Валю. «Ну, а я – о, моя мелюзга!». Потом было еще письмо, а потом молчание. Жив ли он?

Последнее мое дежурство подходило к концу. На следующий день мы с мамой и братом должны были уезжать из армии. Я проверяла документы у водителя легковой машины и сказала об этом. Он посетовал, что с ним нет его командира – майора: «Он всегда хотел, чтобы мы проезжали через этот пост, чтобы посмотреть на вас».

Я вспомнила молодого, серьезного человека и пожалела, что мы не познакомились. Может, это была судьба?..

А теперь о любви. Он был артистом в армейском ансамбле, когда полюбил одну из девушек нашего поста. Долгое время ничто не мешало их встречам. Потом ансамбль расформировали, артисты проходили обучение в запасном полку. Полк тоже находился недалеко от нас, но встречаться стало труднее.

Однажды, передвигаясь за фронтом, полк расположился в нескольких километрах от нашего КПП, только ближе к передовой. И он, зная, что она дежурит, пошел, чтобы повидаться и к утру вернуться в полк. Задержанный по дороге патрулем, предпочел выглядеть дезертиром и попасть в штрафной батальон, чем бросить на любимую тень.

И еще... Однажды наш КПП переезжал на другое место с попутной автоколонной. Мы разместились по машинам, радуясь теплу кабины в морозную ночь. Молодой водитель недружелюбно посмотрел в мою сторону. Какое-то время ехали молча. Шедшая впереди машина остановилась, наша – тоже. Шофёр пошел узнать, почему стоим.

Узкая снежная дорога в молодом сосновом лесу, чёрное небо в звездах, нежная полоска месяца...

«Уснул дружок – вторую ночь не спим», – оправдывая товарища, заговорил водитель. – «Нам часто приходится работать сутками. Трудно ночью, очень хочется спать. Но мне по ночам легко».

И рассказал, что летом, когда долго стояла часть на одном месте, встретил девушку, которую полюбил. Она его – тоже. Первое время сомневался в ней. Когда еще недалеко были от того места, старался заехать, особенно к вечеру. И сразу – на «улицу», где гулянье, где гармошка... А подружка говорит: «Что ты её здесь ищешь? Дома она сидит, не ходит без тебя на «улицу», силком не затянешь»

Как он говорил о своей любимой! Куда девалась и неприязнь, когда увидел, что я ему сочувствую. «Больше и смотреть ни на кого не хочу, всегда теперь с ней. Еду, разговариваю, ночью даже лучше – никто не мешает. Она и сейчас со мной... Кончится война – приеду, поженимся!».

Снежная дорога в молодом сосновом лесу, тёмное небо в звёздах, узкая полоска месяца. Колонна машин везла очередной груз к передовой линии фронта...

Не рассчитал

Часто в свободное от дежурства время нам приходилось выполнять и другие обязанности. Как-то в начале зимы нас направили собрать сельских жителей и поставить на дорогах снегозадержатели. (В те годы по краям дорог не са-

жали деревья, не было и лесозащитных полос. Их начали создавать в сорок восьмом-пятидесятые годы. А на полях, чтобы задерживать снег, и, следовательно, весеннюю влагу, ставили деревянные щиты. Их ставили и по краям дорог).

Захожу в первую избу на своем участке: «Помогите поставить снегозадержатели, чтобы дорогу снегом не заносило, а то машины буксовать будут». Говорю, а сама думаю – не пойдет, ведь занята, стирает. Но женщина, снимая с рук негустую пену, только проговорила: «Достирать бы... Но что ж, надо, так надо. Только вы уж фашистам нас больше не оставляйте!».

Так шли из одной избы в другую. Бросали женщины дела, шли к школе, где был сбор.

Собралась уже целая толпа женщин и подростков, как вдруг, прямо над нами, мы и не заметили, как он появился, самолет с крестами на крыльях: сначала услышали негромкую дробь пулеметных пуль, градинами поднимавших пыль на другой, безлюдной, стороне улицы. Немного не рассчитал, промахнулся фашистский летчик.

Быстро мы оказались в школе, но самолет не вернулся. Подождали немного, и пошли ставить снегозадержатели. От неожиданности я тогда не успела испугаться, и только в школе противно задрожали колени.

Был и такой случай

И все же беспокойство начальства за наш девичий КПП было не совсем напрасным. Однажды произошел у меня позорный случай, в котором виновата сама.

Дежурство мое подходило к концу, когда с передовой подошла машина, вовсе без документов. Новенький студебеккер, в кабине рядом с водителем офицер, в кузове шесть или семь вооружённых бойцов. Было видно, что у них срочное дело. Начальника поста не было, я решила, сменившись, съездить с ними во второй эшелон штаба армии, где они обещали взять необходимое разрешение на проезд.

Свое дело они решили быстро, но никакого разрешения, как потом поняла, брать и не собирались, не до того им было. На обратном пути, не доезжая нашего поста, свернули в сторону.

Стоя на подножке с карабином на плече, пыталась я повернуть руль в нужном направлении. Остановили они машину, меня с подножки сняли и оставили одну в поле. Только снопы в крестцах под осеннее-голубым небом...

Ну, что было делать? Поплакала, уткнувшись в пшеничку, и пошла «домой». Потом уж нерешительности не допускала, от неё ведь вся беда.

Вскоре нам, дежурным КПП, вместо карабинов дали пистолеты. И когда мне пришлось также, стоя на подножке, отводить задержанную машину на специальную стоянку, а старший машины дал распоряжение водителю проехать мимо, пригрозила, что буду стрелять. Он, с шуточкой, но уступил, – побоялся. Немудрено: пистолет в руке, не карабин за спиной, да и право на моей стороне.

«Меткий» выстрел

Не обходилось и без курьёзов. Однажды не остановилась машина, пыталась проскочить мимо поста. Я выстрелила в воздух и случайно перебила провод, по которому в то время разговаривали командующий фронтом маршал Рокоссовский К.К. с командующим армией генералом Романенко П.Л.

Было это поздно вечером 22 февраля 1944 года, недалеко от станции Жердь. Заметили повреждение связисты: они его искали. Спрашивают: «Стреляла в воздух?». – «Стреляла, говорю».

Соединились связисты со своим начальством по телефону. Их командование (майор) распорядилось привезти меня к ним подписать акт. Я по телефону говорю: «Я на посту и никуда не поеду» – «Вас там двое?» – спрашивает он. «Да, двое, но так положено. И я никуда не уйду с поста». «Ерунда», – говорит он. «Одна пусть остаётся, а вы приедете подписать акт, я пришлю сани», и бросил трубку.

Приехали за мной на санях ещё бойцы. Всего набралось человек семь здоровых, вооружённых мужчин, убеждают: «Девушка, но ведь у нас приказ привезти вас. Мы не можем не выполнить приказа. Что же нам, насильно вас забрать?».

Стоят полукругом около нас свои, родные люди, а мне хоть стреляй в них: нельзя мне с поста уходить, не имею права. Прижались мы с Марусей к будке спиной, оружие наизготовку...

Часто думала потом – смогла ли всё-таки выстрелить, если бы они применили силу? Очень страшно выстрелить вот так в человека, тем более своего. Но, наверное, вид у нас был очень решительный, силу применить они побоялись. К тому же взять с поста насильно – за это по головке бы не погладили.

Так и стояли мы друг против друга, хорошо, что машин не было.

Слышим – пение. Это идут по дороге, возвращаются из части наши девушки во главе с начальником поста Барышниковым, праздновали День Красной Армии. Идут они по дороге, песни поют. А около меня связисты с лошадкой!

Я подхожу, официально, по уставу, докладываю. «Товарищ начальник, разрешите доложить...». Он перебивает меня, похлопывает по плечу: «Знаю, знаю, всё в порядке...» «Да нет, как раз не в порядке» и рассказываю, что меня ждут, когда сменюсь с поста, чтобы увезти к себе.

«Никуда не поедешь! Я тебя с поста не снимаю, всю ночь будешь стоять! А они только пусть попробуют тебя забрать!».

Постояли, постояли связисты и уехали ни с чем. На другой день приезжали к нам, привозили акт. Но начальник не разрешил мне его подписывать. Так этим и закончился инцидент.

Наш новый начальник Барышников имел звание старшины, а должность начальника офицерская. И, для престижа, он носил полушубок без погон, а мы его звали не по званию, а по должности. Хороший он был начальник.

Преыдущего от нас взяли, перевели ещё в начале осени, на мужской пост: Настя пожаловалась, что он настойчиво проявляет к ней интерес.

Война – страшное время

Страшное время война, нет ничего страшнее войны, и не было ничего желаннее мира в то время. Но война научила и хорошему. Научила видеть главное в человеке. Как будто обычный был боец, ничем не отличался от других, даже и недостатков, как говорится, «хвatalo». А потом узнаёшь, что в трудную минуту сам погиб, но товарища спас.

Большая человечность окружала и нас, девушек. Ни разу не слышали мы грубого слова, резкого выражения, а ведь окружали не изысканного воспитания люди.

Мне кажется, это отношение хорошо можно передать песней, которую тогда пели:

*Помню день последнего привала,
Сон бойцов у жаркого костра.
Руку мне тогда забинтовала
Славная военная сестра.
Теплотой и лаской окружила,
Подняла ресницы ясных глаз.
Мне о доме что-то говорила,
Чтобы боль немного улеглась.
Стало сердцу радостно, не скрою
Этой тёмной ночью у огня.
Показалась мне она сестрою,
А сестер ведь нету у меня.
Не забыть мне тихий и короткий
После боя найденный привал.
Девушку в шинели и пилотке,
Ту, что я сестрою называл.*

Это внимание мы чувствовали очень хорошо. Всегда было заметно желание облегчить тяжелую для девчат службу. Помогали нам деликатно, чтобы не обидеть. То землянку, или хату получше выделяют, а если уж это невозможно, то лучшее место обязательно за нами. Помню, раз, на реке Березине, только один дом уцелел в местечке, не могли там все бойцы разместиться. Те, кому повезло, лежали на полу вплотную друг к другу, а нам выделили единственную кровать. (Хозяева устроились на печке).

Мы спали на кровати вчетвером, «валетами». Когда ночью возвращались с поста, долго балансировали на одной ноге, выбирая, куда поставить другую, чтобы не потревожить спящих.

И ведь что интересно. Чем ближе, бывало, к передовой, тем заметнее внимание людей друг к другу, к детям. Сколько бездомных детей в освобождённых селах, оставшихся без родителей, стали воспитанниками в частях!

Спасали детей и в других, опасных для себя обстоятельствах. Одному такому случаю мы были свидетельницами.

Это местечко в Белоруссии, куда мы пришли на другой день после его освобождения, в отличие от других, разрушено было мало. Комендант назвал несколько домов, где можно расположиться, выбор предоставил самим.

Мы зашли в маленький домик. Несколько женщин о чём-то озабоченно переговариваясь, поглядывали на ребенка лет трех-четырёх, возившегося с игрушкой на полу. Немолодые женщины были очень похожи друг на друга: в белых платочках, длинных тёмных юбках. Такие женщины любят на лавочке посидеть, посудачить...

Поздоровались, присели рядом, завязался разговор. «О-ох, девушки, милые, не знаем, как быть», – заговорили женщины все разом. – «Ребенок-то, мальчик-то, остался теперь у нас, не знаем, что с ним делать? И мальчик он хороший, тихий, ласковый. И привязались к нему... Да уж больно тяжело: ведь всё, они, проклятые, повытащили из дому, увезли в свою Германию. Чем кормить будем, у самих ртов много».

Поначалу мы ничего не могли понять из потока слов. Но хозяйка объяснила.

«Сгоняли фашисты всех евреев, наказали им по маленькому узелочку с собою взять. И всех, всех – стариков, детей, всех куда-то повели. У нас соседи были евреи, хорошие такие люди. Забежала соседка к нам, мальчонку этого занесла. Говорит: «Присмотри за ним, Петровна, а в случае чего, скажи, что твой это. Чую я, не вернуться нам назад. Не к добру нас так гонят».

Их, правда, далеко и не угнали, тут же за селом всех постреляли. Ну, куда денешься – жалко ребенка-то. Хоть и прятала его, не показывала людям, да уж страху натерпелась! У нас тут недалеко, тоже подкинули перед смертью дитя соседям. Правда, тот ребёночек постарше был. Да кто-то, видать, выдал, А, может, немцы увидели, как он по улице бегал. Их всех, вместе с ребенком тем, прямо в хате постреляли...

Нас бог миловал, нашего ребёночка мы спасли. Теперь думаем, что делать: в детский дом отдать, там ему всё получше будет... Да и жалко...».

Солнечный луч прожектором высвечивал мальчика на светлом полу. Тихо покачивалась ситцевая занавеска, отгораживая русскую печь.

Нельзя забыть

Удивительно, что в таких опасных, тяжелых условиях сохранили люди доброту, щедрость. Частенько и не очень-то сытые, усталые, в мокрых сапогах, а о товарищах не забывали.

Конечно, бой есть бой, но едва на два-три километра отойдет часть от передовой, заново видит боец мир: людей, траву, небо, и меньше замечает мелочи и больше ценит то хорошее, что достается на его, может уже недолгий срок жизни.

Были потери и в нашей части. Однажды, когда менял батальон позиции в Курской области. Шли ночью. И надо же так случиться: две встречные машины на мгновение включили фары, а над батальоном пролетала фашистская «рама»!

Погиб тогда Черников, командир нашей роты, погибла Дуся Бобырь – писарь обозно-вещевого снабжения, не стало врача Тамары. Заместитель началь-

ника штаба М.И. Дуняткин говорил, что в братскую могилу легли 39 наших однопольчан. А те, что остались живы...

Одно время он был начальником нашего КПП и я очень обрадовалась, когда увидела его через 20 с лишним лет. Он тоже узнал меня, только имя перепутал, ну, – так много же лет прошло! Мы заговорили: «А помните?..» Он живо перебил: «Да, да, помню. Ночью мы шли. Вдруг – бомбы... Помню, вологодский парень был такой, ему живот разорвало... Он стоит на коленях, кишки с земли собирает, в живот кладет, с земли собирает...». Бомбы не тронули этого человека, но потрясение не забылось и сказалось уже после войны.

В нашем батальоне и потом бывали убитые и раненые, но это уже случайно залетевшим снарядом, осколком бомбы. Нашему КПП везло. Я говорила, что наш пост находился рядом со вторым эшелонном штаба нашей армии. Часто бывало: только переедет штаб и мы на новое место, старое прилетают бомбить вражеские самолеты. Была ли это случайность?

От бомбежек мы не пострадали, а вот от осколка снаряда Настенька погибла в сорок четвертом году. Об этом мне написала в рыбхоз Маруся Пирожкова. «В меня, – писала она, – в те же дни тоже попал осколок снаряда, но только порвал юбку. А у меня как раз нарывал палец, так было больно! Я уж думала, пусть бы лучше убило, чтобы не мучиться».

Близко от нас были и другие, более страшные смерти. Видели мы старика, который остался единственным от целого села. Всех жителей заперли эсэсовцы в хатах, забили досками окна, полили дома бензином, подожгли. А сами с автоматами окружили село, следили, чтобы никто не убежал. Старик остался жив, он как раз возвращался из леса, и всё было у него на глазах. Не помню названия села, была ли это Хатынь?..

Кажется, нет, не одна ведь Хатынь была в Белорусских лесах. Еще в одном таком сожжённом с живыми людьми селе, стоявшем на нашем пути, уцелела лишь девушка. Случайно удалось ей спастись, но не смогла выдержать испытания – помутился разум. Молодая, круглолицая, с непричесанными прядями светлых волос, остановившимся взглядом...

Всего за годы войны фашисты сожгли вместе с живыми людьми около четырехсот сёл.

Сколько пережили мирные люди в это время! Их расстреливали, закапывали живыми. Врач нашей части участвовала в комиссиях при раскопках массовых захоронений. Однажды в землю закопали живыми более семидесяти человек, с детьми и стариками.

Войдя в село, гитлеровцы сразу собирали всех евреев, цыган и во многих случаях семьи коммунистов, командиров Красной армии, вели на расстрел. Много молодежи угоняли в Германию.

Сколько погибло и воронежцев! И не только в Песчаном логу. Ведь всех выгнали из Воронежа, погнали в свой тыл. Многие старики погибли где-то на дорогах, как и моя бабушка.

Моя детская подруга Ирина не успела уйти из-за больной матери. Их семью разделили: отца, у которого был уже не призывной возраст, и брата шестнадцати лет погнали с мужской группой. А её с матерью – в группе стариков, женщин, детей. Позже те, кто был в мужской группе, рассказывали, что у отца началась дизентерия, брату выбили один глаз. Отец уговаривал сына бежать, тогда это было ещё возможно, но Володя остался с больным отцом. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Ирина с матерью осталась жива, они спрятались в высокой кукурузе. А потом жили до освобождения в деревне, приютили незнакомые люди. Но до этого чудом удалось спастись. В одном месте их колонну погнали через маленькую речушку. По мосту не могли все пройти, часть переходили ручей вброд. А по мосту, прямо по женщинам, старикам, детям, пошли фашистские танки... Розовой от человеческой крови была вода, по которой пришлось пройти моей подруге в семнадцать лет.

Всё это и сейчас невозможно вспоминать спокойно, а тогда особенно сильно было желание скорее спасти, освободить своих! Вся жизнь, все мысли были о Победе.

Если бы я умела рисовать

Поздней осенью мы ехали следом за фронтом по дорогам Белоруссии на новое место, на запад. В Белоруссии расстояния между сёлами были небольшими. Сёла располагались вдоль дороги одной улицей («порядком») и везде нас встречали вереницы печей. Их уцелевшие от огня трубы стояли по дорогам как почётный караул, от которого сжималось сердце.

Но нарисовать хотелось бы одну встречу, словами мне трудно передать.

В тот раз мы проезжали то, что вчера ещё было местечком. Слева в бывшем парке среди безлистных деревьев стояли гипсовые физкультурники. Справа тянулся ряд русских печей, кое-где ещё дымились развалины: отступая, фашисты сжигали всё.

На замерзшей пашне «барашками» лежал снег. Сильный ветер быстро гнал к спускающемуся солнцу низкие, серые облака. Было холодно и безлюдно.

Неожиданно около одной печи мы увидели двух, закутанных в платки, малышек лет пяти–семи и женщину. Она неторопливо взяла ухват, отодвинула заслонку и стала доставать ухватом из печи чугунок.

Этот, такой привычный, мирный жест около символа уюта – русской печки...

Когда сейчас становится особенно невмоготу, вспоминаю траву, пробивающую асфальт, пни, от корней которых идут ростки, и ещё – русские печи в сожжённых фашистами селах. Ту женщину, достающую из печи в чистом поле чугунок с пустой похлёбкой и голодные глаза детишек, прижавшихся рядом. Впереди, совсем близко, зима, а – ни крыши над головой, ни куска хлеба... Ужас пережитого, боли потерь, и всё-таки страстное желание и радость жизни!

Дороги прифронтовой полосы

И всегда вспоминаю дороги... Военные дороги, дороги прифронтовой полосы. Сколько прошло по ним людей, машин, сколько перевезено боеприпасов, снаряжения, продуктов! Сколько бессонных за рулем шоферских ночей, а в дни наступления – суток...

На наших глазах в сорок третьем дороге становились все полнокровнее. Если весной и летом по дорогам шли одиночные машины, то к концу года двигались уже целые колонны. В колоннах мы проверяли документы только у головной машины, и шофера следующих, приветствуя нас, лихо «подмигивали» фарами, уже почти не опасаясь звёздного неба.

На фронт и с фронта... С фронта везли раненых, шли усталые бойцы на перестроение частей. И опять, за новыми запасами для боёв – машины...

Сколько нужно было усилий, чтобы прифронтовые дороги – «артерии войны», работали без «тромбов» – пробок. Сколько нужно было сил, чтобы изрытые, искромсанные, шоссейные дороги, грейдеры, проселки – выровнять, отполировать, да что там! Просто сделать проезжими для машин!

Помню через день после боя на севере Курской дуги, голубое, с кучевыми облаками небо, спелый хлеб, поваленный снарядами, как ураганом, ещё дымящиеся танки на поле, и дорогу, по которой нельзя проехать, так она изрыта снарядами...

С тяжелыми боями фронт продвигался вперед и следом за фронтом шли строители, ремонтировали дороги, мосты... Занимались повседневным трудом люди не героической профессии, профессии, которая мирно звучала и в военное время. Но без ежедневного трудового подвига этих людей были бы невозможны подвиги боевые, была невозможна Победа.

Сколько прошло лет – целая жизнь!

Давно нет Насти, я уже сказала – погибла на посту в сорок четвертом. В сорок третьем убит учивший нас азам военной науки старший сержант Царьков, повар Ванечка Горелов, почти мальчик, с девичьим лицом, румянцем во всю щёку. Велики фронтовые потери...

И уже после войны, много лет назад, похоронили мы нашего комбата И.Я. Семенова, начальника штаба Г. Данилкова, ему не было и пятидесяти. Мой папа после тяжелого ранения выжил, но умер в пятьдесят шестом, Маруся Пирожкова умерла в шестьдесят первом... Кто пересчитал людей, которым война резко сократила жизнь?

Но живы Марусины дети, выросли внуки. К сожалению, остались в Воронеже из однополчан только мы вдвоем с Надеждой Ивановной Юрьевой. Редко встречаемся, но не забываем друг друга, как нельзя забыть все военные годы и особенно трудные дороги сорок третьего – переломного года Великой Отечественной войны.

Заканчивая свои фронтовые воспоминания, хочу сказать: о войне вспоминают многие, вспоминают по-разному, хотя говорят правду. Но, ведь правда солдата в грязном окопе и правда генерала, ответственного за сражение, раз-

лично. Я пыталась рассказать о войне так, как я её видела и испытала. Это – моя правда.

Окончание армейской службы

В феврале 1944 года папу тяжело ранило. Я стояла на посту, когда на легкой машине его с мамой провезли в госпиталь. Он сидел, мне улыбался, и я заметила только, что очень бледен. Неудивительно: потерял много крови, и, конечно, сказывалась сильная боль.

Пуля попала в ладонь, прошла сквозь руку, разбила кость. Руку не удалили лишь потому, что считали его безнадежным – всё равно не выживет. Через некоторое время папу отправили в тыловой госпиталь, говорили, что в Москву.

В части решали, что делать с нами, точнее – со мной. Маму с братом однозначно отправляли в тыл. Не только из-за возраста, она была очень больной человек: одна почка, язва желудка и двенадцатиперстной кишки, болезнь крови...

В отношении меня были разные мнения. Кто-то говорил, что в мои 17 лет надо учиться. А некоторые хотели послать меня на другую учёбу – курсы (или школа, не помню) лейтенантов. К тому времени я имела звание старшего сержанта, по должности (дежурный КПП) могла иметь звание старшины, не больше.

Инженер-капитан Глазко из штаба армии убеждал маму, что мне надо остаться: «У неё такая карьера, а вы её испортите!». Мама не соглашалась. Действительно, какая могла быть карьера в армии, зачем?

Когда он убедился, что уеду, очень советовал поступать в медицинский институт.

«Но у меня же только семь классов школы!». – «Там сейчас неразбериха, вы с фронта. А интереснее, лучше медицины ничего нет!». – «Я хочу изучать жизнь растений». – «Основы жизни одинаковы у растений и у людей!».

Я не стала спорить понапрасну, он ведь хотел как мне лучше. Хорошо ко мне относились не только в нашей части, но и в штабе армии. Когда зашла прощаться перед отъездом, все желали самого лучшего. А один лейтенант подарил свою фотографию с надписью: «На память в лучшие дни Отечественной войны лучшей девушке Галине из всех, кого я знаю. Ростомов И.Д». Он был не молод и никогда не пытался показывать свое доброе отношение.

Этот снимок у меня хранится, единственная фотография военного времени. Мы, девушки КПП, жили отдельно от своей части, обособленно от других частей и никогда не фотографировались, о чём очень жалею. Уже в рыбхозе ездила с папой в Моршанск и там сделали снимок в военной форме, где совсем не похожа (как сказала мама и другие).

Когда решался вопрос о моем ближайшем будущем, у меня-то выбора не было. Не хотелось уезжать, я чувствовала себя дезертиршей: ведь мои подруги оставались. Только знала, что учиться придется не скоро – надо было работать, чтобы больная мама и маленький брат были благополучны. И надо найти в Москве папу, узнать, как он.

Ехать мы собрались в рыбхоз «Двуречье» Моршанского района Тамбовской области, где жили наши друзья – Юдины, о которых я говорила раньше (см. «Наш Двор»).

Юдин Александр Георгиевич был директором рыбхоза, Валентина Ивановна, его жена – сотрудником. У них две девочки – Эля, их дочь и дочка погибшей Валиной сестры Любы – Лера. Мы с ними переписывались, и они звали к себе. Да кроме них, у нас никого и не было.

УВОЛЕНА В ЗАПАС...

Москва сорок четвертого года

По пути в рыбхоз мы заехали в Москву, надеясь найти папу.

Остановились у Сони Ганзиер. Я напомним: в Воронеже, в конце теперь уже позапрошлого, века, у конторщика – служащего вместе с моим дедушкой на железной дороге, было пятеро детей. Внезапно, на одной неделе, родители умирают. Младшему – мальчику, 8, еще двум – 10 и 12 лет. Девочкам Соне и Нине 15 и 16. После смерти родителей детей разбирают знакомые и дальние родственники. Одного из братьев – Виктора, взяли бабушка и дедушка. Виктор умер перед войной уже седым, от какой-то болезни, помню его похороны.

Соню и Нину взяла дальняя родственница в Москве. Соня стала первой женщиной–лаборанткой в России, задолго до революции. После революции они жили вместе с Ниной в Москве. Когда мы приехали, Соня, совсем старенькая, жила в коммунальной квартире.

Начну по порядку. Благодаря записной книжке, которую подарила Соня, могу рассказать о нашем пребывании в Москве подробно.

Наш путь из армии (район Речицы) до Калуги вспоминаю очень туманно. Кажется, ехали в теплушке, с нами ехали ещё кто-то, незнакомые. Мама вспоминала, что одно время ехал с нами и мертвец. Но не помню страха, и вообще каких-то эмоций по этому поводу. А дальше помогли записи. Передаю, как записала.

«Из Калуги мы выехали 2 марта 1944 года в 22-50. В вагоне Олег сразу же уснул, да и мы с мамой не отстали: хотя и сидя, дремали, пока проводник не разбудил всех возгласом: «Скоро Москва!»».

Только успели собрать вещи, уже и приехали. Вылезли из вагона. Темно, 6-00. Мокрота, снега нет, вода кругом, лужи. А мы с мешком, постелью, валенками. Мешок этот мешает – взвалить на плечо трудно, да и грязный он. Мама замучилась с вещмешком и постелью, Олег пыхтит с валенками.

Вылезли и думаем: куда идти? Решили идти к Васнецовым».

Я уже говорила, – в нашей части служил Андрей Васнецов – племянник знаменитого художника Виктора Васнецова («Аленушка», «Три богатыря»). Андрей и сам стал хорошим художником, заслуженным деятелем, был депутатом последнего Верховного Совета СССР.

Когда мы уезжали из армии, он попросил передать письмо матери.

«Пока добрались до дома, уже рассвело. Мы с мамой пошли к ним, а Олег остался во дворе караулить вещи. Соседи встретили приветливо: «Вы от Андриюши? Сюда пройдите».

Васнецовы еще спали. За дверью раздался сначала женский, потом мужской голос. Васнецова лежала в кровати. Когда услышала, что мы от Андрея, закричала кому-то: «От Андриюши!». Этот возглас помню и сейчас – тревожный и радостный одновременно.

В доме чувствовалась неустроенность, болезненность. «Поговорили об Андрее, оставили у них вещи, поехали на Люсиновскую 38, к тетушкам Соне и Нине. Нашли, благодаря расспросам, легко».

Не помню, почему оказалось, что нам нужно на переулок Марата, 3, где жила тётя Соня. «Очень хорошая тётя Соня. Такая славная старушка. Что она пережила в прошлом году! Боже! Есть сушеные картофельные шкурки, которые дает кто-то из соседей! Нина не выдержала и умерла от недоедания 30.12.1943 г.

Сейчас Соня тоже живет очень голодно. Целый вечер плакала потихоньку. Как ей тяжело сейчас жить, она понемногу всё продает.

И все-таки, вот где видна душа человека. Нам с Олегом она и тетрадей и конвертов и альбомчиков и других мелких вещей бумажных надарила!

Как хорош был первый после двух лет вечер, проведённый в квартире с электрическим освещением. Уложили нас каждую в отдельности.

До восьми утра я проспала не просыпаясь. Позавтракав, пошли, вернее, поехали, на метро, «Новокузнецкая» остановка. Очень светлая, с разрисованным потолком. Ездили целый день: на вокзал, узнали про вещи. Надо перевозить самим на Павелецкий вокзал с Киевского. Потом к дяде Толе и тёте Нине. Бедно у них с продуктами, как, впрочем, и почти у всех в Москве. Хорошие у них открытки, коллекция бабочек, одна бабочка из Австралии, с голубовато-зеленоватым отливом, тёмносиняя.

Немного горят лампочки на проводах, как в мирные дни.

5.03.1944 г. Утро. Маме нездоровится, я читаю, лёжа в постели. Благие намерения сходить, узнать про папу, а потом с Олегом в цирк. Но пока суть, да дело, времени 10 часов, и мы идем в цирк. Сели на трамвай номер 10 и поехали. Мимо Кремля, видели двое ворот в Кремле, храм Василия Блаженного, мавзолей. В цирк, конечно, не попали, вернулись домой.

В 4 часа пошла узнать насчет папы.

Была на Белорусском вокзале. Он похож на Киевский. Дома, как спичечные коробки. Шумно, людно. Лишь в метро чувствуешь себя хорошо, более свободно. Достала адрес, где можно узнать про папу. Приехала домой, мама волновалась за меня. Приходил дядя Гаврик, славный такой.

А вечером нам удалось увидеть очень красивое зрелище: салют.

В 11 вечера ударили пушки – из 224 орудий 20 выстрелов. А до чего красивое зрелище эти разрывы!

Сначала разрыв по радио слышен – это гул от разорвавшегося перед этим снаряда, а потом со всех сторон вверх взвиваются зеленые, красные, оранжевые звездочки. Их много, очень много, они со всех сторон взлетают стаей.

В стороне видны, когда перед тобой уже спали, стайки зелёных, стайки красных огоньков. Они, словно воробьи, падают на землю и, не долетев, гаснут в темноте.

Ложусь спать с радостным ощущением: новая победа на фронте. Под командованием маршала Жукова на Первом Украинском прорвали линию обороны немцев шириной в 180 км, глубиной – 25-50 км. Занято много населенных пунктов.

6.03.1944 г. С утра, позавтракав, отправилась с соседкой до Ленсовета, а там одна на Варшавское шоссе. Оставила адрес, куда нам написать о местонахождении папы, потом на Лефортово, в справочник госпиталей Московских. Всюду без пользы. Потом вечером с Олегом пошли в кино «Ударник», смотрели картину «Багдадский вор». Зрительный зал высотой в три этажа.

7.03.1944 г. С утра мы пошли с мамой и Олегом по Красной площади и вообще вокруг Кремля. Видели храм Василия Блаженного. Хороши его луковицы. Одна пупырышками, другая вавилонями, третья спиралью и проч. Сам он разрисован, вид красивый. Были перед этим в Третьяковской галерее, только знаменитые картины вывезены, была выставка Белорусских художников».

В маленькой записной книжке, подаренной мне Соней, сохранилась запись карандашом картин, увиденных тогда в Галерее. Вот некоторые из них: Рудковский «Пропажа карточек»,

Серов «Этого мы никогда не забудем» (Немцы расстреливают мирных граждан. Сколько злобы в глазах тех, кого расстреливают!)

Пластов «Немец пролетел» Эта картина известна многим. Мирно пасется стадо коров на холме около рощи, но убиты одна корова и телёнок. А на земле лежит застреленный мальчик–пастух, около него собачка подняла мордочку вверх, воеет. Сейчас эта картина осталась в галерее, но называется: «Фашист пролетел».

Кукрыниксы «Таня». – Мертвая Зоя Космодемьянская на виселице, окруженная немцами.

И здесь же картины о мирном:

Крылов «Сирень, «Дворики», «Солнечным утром».

Соколов «Солнечный день». И еще:

Бальницкий–Бирули «Весной повеяло», «Следы зимы», «Голубой март».

Кончаловский «Сирень», портреты.

Были там и модель эскизного проекта – музея Героев Отечественной войны Маркиса О.П.

И Мухиной – Памятник защиты Севастополя, Тенета – проект монумента «Города – герои» (Севастополь, Москва, Ленинград).

О записной книжке стоит сказать особо несколько слов. Она была уже не новой, принадлежала знакомому Сони.

Размером 14 на 10 см, начата 1 апреля 1936 года. Половина страниц осталась чистой (на них сделаны мои записи, это был мой дневничок). А на второй половине, разделенной по алфавиту, записаны бывшим владельцем книжки номера телефонов. Многие фамилии довольно громкие: Алмазов, И.И. Бартолотти, Г.М. Вольпин, В.Ф. Гроссе, С.Г. Кара-Мурза, А.Р. Эйгес и ряд других. Но самые знаменитые номера (для меня) принадлежали Н.М. Вахтанговой – два номера, домашний, видимо, и номер театра.

Эта книжка содержит много тайн, которые никогда не будут раскрыты.

«8.03.1944 г. С мамой пошли по городу. По Кузнецкому мосту (который оказался улицей) прошли, вышли к театральной площади, видели театры – Большой, с лошадьми, и Малый. Мне больше понравилась Театральная площадь, чем Красная.

Вскоре мы собрались ехать в рыбхоз, к Юдиным. Соня приглашала вообще остаться у нее жить: «Это же Москва!».

Но Москва нас как-то не прельстила, и у меня не вызвала желания там жить. Очень понравилось метро – красиво. Чистота и красота – настоящий подземный дворец, вернее – дворцы. Кроме того, очень удобно – не нужны распросы. Правда, поразила надпись на посадочной площадке: «Посадка с противоположной стороны». Поскольку с противоположной, той, на которой я стояла, явно были только рельсы, и добраться туда, к гладкой стене, было бы не просто, надо было бы прыгать вниз, я перешла на другую сторону. Но там тоже такая же надпись на стене и иной маршрут следования. Не знаю, кто придумал такую глупую надпись.

Поразили в Москве платные туалеты, хоть и за малые деньги. Это тогда было внове.

Москвичи доброжелательны, в госпиталях вежливы и предупредительны. Но, ни в одном папы не бывало. Когда я обошла все госпитали Москвы, её покинули без сожаления.

Перед отъездом оставили Соне все продукты, которыми нас щедро снабдили в части: пшено, консервы, что-то ещё.

Из Моршанска решили идти пешком, не дожидаясь поезда, он должен быть nasledующий день. Про приключения в пути рассказывать не буду, но они были.

По дороге нас встретил на лошадке Александр Георгиевич.

В рыбхозе ждала тетя Валя с девочками в светлом, чистотой сверкающем доме. Теплая была встреча! Они с мамой всплакнули. Двух лет не прошло, как немцы угнали бабушку и погибли от бомбы Валины мама, сестра, невестка с дочкой.

Получаем письмо и квартиру.

Только жизнь есть жизнь. Первое время мы жили у них, в их двухкомнатной квартире. А потом нам отвели отдельную комнату в двухэтажном кирпичном доме: бывший директорский кабинет.

В дневничке 6 апреля запись: «Скоро месяц, как прекратились мои путевые записки, а сколько изменилось за эти дни! Мы уже имеем четыре письма от папы и свою комнату, я – работу, а наша семья – друзей в лице А.Г.Ю. и В.И.Ю. с детьми. Сегодня чудесный весенний день. Солнышко хорошо греет и уже есть проталины».

Если говорить точнее – друзей в виде названных лиц, мы имели значительно раньше, ещё в Воронеже, до войны. Я о них говорила.

Хочу привести здесь первое папино письмо из госпиталя. Оно сохранилось. Написано карандашом на одной стороне тетрадного листка. Листок свернут так, что получился квадрат 7 на 7 см. Адрес написан химическим карандашом чужой рукой: «Тамбовская обл., Моршанский р-н, Рыбхоз Двуречье В.И. Юдиной для Рженицыной А.В.», и обратный адрес госпиталя. Вместо марок треугольный штамп и штамп «Проверено военной цензурой».

На этой же стороне листка приписка: «Валя и Саша. Ввиду моего ранения Туся с детьми хотела заехать к вам, чтобы хоть несколько отдохнуть. Она очень, бедняжка, измучилась. Если её нет – сообщите мне. Ваш Серёжа».

А вот письмо:

«27. 02.1944 г. Здравствуйтесь дорогие мои Туся, Галя и Алик!»

После всяких мытарств 24-го прибыли в окончательный пункт лечения. Адрес – Ивановская обл., Судогодский р-н, пос. Муромцево, госпиталь 5851, пал. 2, мне.

В Буде Кошелева мне вместо шины сделали лангет – это гипсовое корыто. Оно удобнее, но тяжелее шины. С 14 по 17 был в Новозыбкове, а с 17 ехали. В поезде чувствовал себя плоховато, да и в госпитале рука очень беспокоила. Выделение гноя очень небольшое, но большая отёчность, которая дошла до плеча. В локтевой части делали вскрытие отёчности и выпустили жидкость. С нетерпением буду ждать от Вас как живешь ты, Галя и Алик. Жду письма от Алика. Как дела Гали. Ваш Серёжа. Это мой почерк новый. Крепко целую всех».

Почерк левой рукой как у малограмотного человека, но всё понятно. А ошибок у него никогда не было.

Очень мы, конечно, были рады этому письму. Забегая вперед, хочу сказать, что папа к нам приехал в самом конце мая (из госпиталя выписался 24.5.44).

Через несколько дней после приезда, мы с мамой и Александром Георгиевичем съездили в Моршанский военкомат. Предъявили документы, и в наших красноармейских книжках появилась запись: «Уволена в запас без принятия на учет по приказу 48 армии».

Вряд ли можно было бы в военное время увольнять по армейскому приказу, но, думаю, военкоматовские работники просто не знали, что с нами делать. У мамы *уже* непризывной возраст для женщин, тем более не медицинских работников, да и болезней у нее «хватало». Для меня *ещё* не призывной возраст: нет восемнадцати лет. Тут и Олег – 11 лет. А у нас направление из армии в Моршанский военкомат. Помог, конечно, и Александр Георгиевич – в военкомате пообещал, что нас трудоустроит.

Так мы оказались не военнослужащими, а гражданскими лицами, получили паспорта. Я стала рабочей рыбхоза, и после войны получила медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне...».

О работе в рыбхозе написала в книге «Прошлое всегда рядом» Издательства ВГУ, 2003 год.

Так прошла моя военная, точнее – армейская юность. Время незабываемое, тяжёлое, но и, вместе с тем, счастливое, это особенно понимаешь сейчас. Наша жизнь была наполнена заботой о благополучии *всех* людей. Целью жизни было не накопление богатств. Хотели равенства, хорошей жизни для *всех*. Так было во время войны, так было и долгие годы после её окончания.

Это особенно объединяло и объединяет фронтовиков. Потому наша дружба с годами даже усилилась. Бережно хранится память и о тех, кого уже нет с нами.

И всё сильнее боль за настоящее...

СОДЕРЖАНИЕ

О ВОЙНЕ	4
Память	4
ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ	5
Работаем в колхозе	6
Начало перемен	7
Новая квартира	7
Песня о Днепре	9
Второй год войны	10
БОИ ЗА ВОРОНЕЖ	11
Эвакуируемся глубже в тыл	13
Погонщица волков	14
Мы едем на фронт	15
На освобожденной земле	16
СЛУЖБА В АРМИИ	17
Командир батальона	18
На ремонте дорог	19
Я комсомолка, комсорги	20
Письмо домой	21
Хорошо шагать в строю	24
Память избирательна	25
Мы задерживаем машины генералов	26
Не всё для нас безмятежно	27
Курская дуга	28
Наши медали	29
Сорок третий год был во многом особенный	39
Следом за фронтом	32
Дополнительные посты	33
Наш путь	34
Добродеевка	35
О любви	37
Не рассчитал	39
Был и такой случай	40
«Меткий» выстрел	41
Война – страшное время	42
Нельзя забыть	43
Если бы я умела рисовать	45
Дороги прифронтной полосы	46
Окончание военной службы	47
УВОЛЕНА В ЗАПАС...	48
Москва весны сорок четвертого	48